Заколдованное нагорье

Как-то в начале сибирского лета уединились на берегу Ангары, в тени пышной черёмухи, деревенская девчонка Устя и паренёк Валик, приехавший из Иркутска в Заваль на каникулы к деду Ипату.

Через мыс перекатывался ангарский ветер. Он вихрил буйную шевелюру на голосе Валика и шевелил гладкие волосы Усти. Синь реки слепила глаза, но они ничего не замечали кроме книги, которую читал вслух городской гость. Слегка вывернутые губы чтеца подрагивали от напряжения. И немудрено: Валик читал историю из страшных «Вечеров на хутора близ Диканьки». Он, как видно, давно облюбовал гоголевский рассказ и сейчас шпарил чуть ли не наизусть «Заколдованное место». Костлявые скулы парня порозовели, а зрачки отблёскивали шлифованным металлом.

– «...Только что дошёл, однако ж, до половины и хотел разгуляться и выметнуть ногами на вихорь какую-то свою штуку, – не подымаются ноги, да и только! Что за пропасть! Разогнался снова, дошёл до середины – не берёт! что хочь делай: не берет, да и не берет! ноги деревянные стали! Вишь дьявольское место! Вишь сатанинское наваждение! впутается же ирод, враг рода человеческого!..».

И вот на этом месте Валик заметил, что слушательница переместила взгляд на мотылька. Он прикусил губу, захлопнул книгу, сказал хмуро:

– Считаешь – всё выдумка?

– Сказка! В жизни всё проще, паря Колокольчик!

– Выходит, мой дедушка тоже всё выдумал для красного словца?

– Просто я верю своему дедушке! – Листик черёмухи, приклеенный к носу девчонки, слетел на белое платье. – Никаких заколдованных мест в нашей тайге нет. Дремучая она – да! Но мой дедушка всегда выходил из своей Небожихи благополучно. Другое дело – отец, – голос её почти слился с шелестом листьев. – Да он какой был охотник?! Только интересовался таёжными делами да тоже выспрашивал про Заколдованную Небожиху, как все чужие...

Сейчас «чужой» в Завали был Валик. Он приехал в деревню на каникулы перед девятым классом. И ему не понравилось, видите ли, что здешние считают его деда чудаком из-за различных россказней, главное же, по причине веры в «заколдованное место» в здешней тайге. И сейчас он заспорил об этом с Устей Сизых. Воспользовался, что соседка такая кроткая и не может по-настоящему вступиться за своего деда, у которого воспитывается. Гордей лучший охотник, и деляна его простирается до самых тех мест, где когда-то, в годы гражданской войны, пострадал прадед Авдей. По пересказам Ипата, в тех местах Верхней Тайги водится какая-то неведомая, прямо-таки колдовская сила, и горе человеку, попавшему в ту глухомань. Покойный Авдей лишился-де там разума, а колчаковский отряд, который вёл он по принуждению, под дулом нагана, в Острожск, возможно, и вовсе не вышел из тайги.

Подтвердить свои домыслы Ипат не в силах: ходить не может – из-за фронтового ранения в спину ноги парализовало, вроде здоровые, а не держат. Волочит за собой Ипат свои ноги, ровно две рыбины, и врачи в Острожске названия даже не могут определить болезни, не то что лечить. Но здоровый Гордей, который тоже помнит рассказ полоумного своего отца, только усмехается на доводы соседа и одногодка Ипата. «Чем ещё жить обезноженному, как не выдумкой-надумкой, – жалючи объясняет старый охотник фантазии инвалида Ипата. – Рана-то, видно, и на голову повлияла».

Язык без костей, известное дело, а сам молчаливый Гордей много лет промышляет в Верхней Тайге, и добычливо. Бабы туда захаживают иной раз по ягоды до самой Небожихи – никакой колдовской силы не встретилось. Ученые ходили на проверку – никаких результатов. Сам хозяин тех мест Гордей Авдеевич Холодцов усмехается, если слышит про Заколдованный Обмет. «Моя бы воля, – басит Гордей в бороду, – сам бы всю тайгу заколдовал, чтобы не лезли в неё всякие нечистые».

Дотошному внуку Ипата много раз объясняли в Завали всё это и повторяли слова Гордея. Нет же, Валик всё лезет в спор. Неверно, мол, что не прислушиваются к словам его деда Ипата в

деревне, и все! Особенно озлился городской настырный гость, когда увидел, что его деда нет в альбоме следопытов Завальской школы, где собраны рассказы о героическом прошлом деревни, о лучших людях и достижениях таёжно-промыслового хозяйства. Устя была ближе всех, и Валентин Колокольцев почему-то счёл нужным прежде всего предъявить претензии ей. И вот приходится Усте Сизых волей-неволей слушать доводы гостя в пользу фантазий деда Ипата.

«Интересно, конечно, Гоголь написал, а этот ловко подвёл под книжку, – думала она сейчас, возвращая листик на нос – защита от загара. – Да мы тут тоже не просто ангарские водохлёбы. В своих делах-то разбираемся не хуже, чем они в своих, городских».

А Валик повертел головой, оглядывая зелёно-синие переливы Заангарья, и выпалил:

– И ты сама не пыталась найти хоть следы своего отца?

– Как сказать...

Устя растерялась. Она смиренно опустила ресницы, похожие на обгорелые хвоинки, сильней наслюнявила листик черёмухи и прикрыла им веснушки на носу. Но Валик по запальчивости не почувствовал бестактности своего вопроса, тряхнул гривкой белёсых волос и продолжал:

– Может, он где-нибудь там, в тайге, до сих пор... Живой! Только выбраться не может....

Книга хлопнула в руках у него, словно внутри находился пистон.

– Дедушка мой ничего не мог найти, а он в землю на семь вершков видит.

– И странные вещи не может объяснить, – рванулся над обрывом голос Валика. – Неужели лишний раз накладно зайти в верховья Каверги, к самой Небожихе!

– Нам делать больше нечего, – передёрнулась Устя, – как только шляться впустую по тайге!

– Почему впустую? – вскрикнул Валик. – Ради истины!

– У нас покос на носу, а мы будем мох толочь в тайге.

– Правильно сказал Шекспир: «Недалеко ушла от глупости домоседная мудрость».

– Можешь проявить свой ум – никто не держит.

Валик вскочил, зажал книгу под мышкой и зашагал в сторону деревни по вьюнистой тропе-дорожке. Вышагивая, как он считал, лёгкой походкой землепроходца, думал, что зашёл далеко в разговоре с Устей. Но как рассердила она его своей инертностью! Что за странная девчонка? Вроде как уже состарилась. Казалось бы, такая отзывчивая, душевная, понятливая, да и с детством ещё не рассталась, должна бы увлечься тайнами местной тайги. Нет же – сенокос, неполотая картошка, нештопанные носки деда... А на него смотрела, как на чудака, и слушала, словно больного, И это её ироническое – «паря Колокольчик!».

– Ничего, я докажу! – воскликнул про себя Валик, прислушиваясь к топотку босоногой Усти за спиной. – Кое-что предприму уже этим летом. Не зря я сын геолога.

Ему вдруг нестерпимо захотелось рассказать Усте о своём отце, надеясь, что она наконец-то поймёт, что к чему. Он остановился, освобождая тропу, подождал, когда Устя поравнялась с ним, пошёл сбоку.

– Тебе, наверно, будет небезынтересно послушать о моем отце – Иване Колокольцеве, – начал он, взглянув на надутые губы девчонки. – Соседи всё-таки, и вообще...

Устя молча кивнула. И он начал рассказывать о своём отце. Как тот работал шофёром и одновременно учился, чтобы «выйти в люди». Получил диплом техника-геолога, отправили на дальний рудник на Алдане. Надо было выбираться в город – мать требовала. Пришлось отцу учиться заочно в горном институте. А жили в коммунальной квартире. Понятно, заниматься в комнатушке трудно – на общей кухне сидел по ночам. Проснёшься среди ночи, а отец клюёт носом над учебником. Казалось, закончит институт, легче дышать станет. Но с переводом в город отца совсем закружила служба. Где уж тут ему было вспоминать про родную деревню Заваль и какие-то там легенды-предания вокруг неё.

– Но что-то его гложет, – заключил Валик, покосившись на Устю. – Просил подготовить обстоятельный отчёт... Увы, стал чиновником. Надо привезти пробы грунта, растительности, срезы деревьев. Придётся выбраться в тайгу.

– И ты собираешься один, – усмехнулась Устя.

– Майора с собой возьму. Старый пёс, но нюх не потерял.

– А ты в тайге-то хоть бывал? Знаешь, как деревья растут?
– Достаточно, – буркнул Валик. – Отец с собой брал на три полевых сезона, когда геологом работал.
– А приметы и всякое такое знаешь? – допытывалась Устя.
– Я по-геологически ориентируюсь, посещал зиму геофизический кружок. По карте хожу, по компасу.
– По карте? – Устя остановилась возле талового куста, склонённого над рекой, насмешливо оглядела Валика с мокрых ног до вихра на макушке, сказала с откровенной иронией: – Лучше взял бы с собой руководителя своего кружка.
– Это почему же? – хмыкнул Валик.
– Да так. В нашей тайге надо ходить по своим ориентирам. – Устя улыбнулась. – Ну да, бережёного бог бережёт, как говорит мой дедушка.
– Да хорошая карта лучше ваших ориентиров! – вскипятился Валик. – А я у отца в кабинете эти места как свои пять пальцев изучил по топооснове.
– Мой отец тоже верил в карты да компасы...
Валик знал про Устиного отца, учителя географии в местной школе. Не вернулся Сергей Игнатьевич Сизых год назад из здешней Заангарской тайги, заблудился, видно, несмотря на свои географические знания и приборы. Всей деревней искали его – не нашли.
– Да. И дед Авдей на карту поручика упирал, – проговорил Валик, – будто из-за неё заблудился отряд, прогневив мифического Хозяина. Ты веришь в эту чепуху.
– Тогда здесь совсем глухомань была, – отозвалась Устя, – по тогдашней карте, да ещё зимой можно было, наверно, блукать до второго пришествия. Вот и появился заколдованный круг!
– Теперь не то, – баском заметил Валик. – А хорошая карта не подведёт. Если умеешь ею пользоваться, конечно.
– А у тебя есть что-нибудь такое? – спросила Устя.
– То-то и плохо, что ничего.
– Тогда как же пойдёшь? Может, заклинание какое знаешь?
– Это ещё зачем? – насторожился Валик, не понимая, шутит девчонка или говорит всерьёз.
– Если заблудишься, в крайнем случае, – задумчиво ответила Устя.
– Это в деревне у вас положено? – съязвил Валик.
– Охотникам помогало. Дедушка мой рассказывает: не раз с заговором выходили из Верхней Тайги – всякое случается и с опытным промысловиком.
– Я на сообразительность и на спортивную закалку надеюсь, – сказал Валик и повихлял корпусом, чтобы Устя видела, как он владеет своим сухим крепким телом. – Между прочим, капитан школьной команды. Приглашают в юношескую «Зарю». Скажу тебе, хороший хоккей показывает команда.
– А я не люблю этот ваш спорт, – скривилась Устя. – Бегают, прыгают без толку... Сколько можно работы переделать за это время!
– Ну, так думают в вашей деревне! – воскликнул Валик. Под ногу лопался кусок размокшей коры, и спортивно-научный радетель поддел его, демонстрируя лихость удара. Корина шлёпнулась в реку. Рядом с ней выпрыгнул крупный хариус, видать, с испугу.
– Надо дедушке сказать, чтобы здесь попробовал половить, – заключил Валик.
– Деду Ипату сюда не добраться, – заметила Устя, хмурясь.
– А посмотри, куда он приполз! – Валик ткнул рукой в сторону рыболова и чёрной собаки, застывших на берегу среди искристых глыб диабаза. Вдруг сорвался с места, как спринтер, понёсся с криком: – Догоняй, Устя!..

2

– Но, кто же это с таким шумом летит к рыбаку? – проворчал дед Ипат, когда Валик и Устя одновременно вцепились в рукава его старой, выбеленной солнцем куртки. – Хариус – это вам не сорога!

Лохматый, как все здешние лайки, Майор тоже посмотрел на шумливую молодёжь осуждающе. Он никогда не позволял себе лаять по пустякам, теперь спокойно лежал около ног хозяина, закованных в чулки из сохатиной шкуры, и с любопытством глядел на поплавок из сосновой коры, проткнутый гусиным пером, покачивающийся на воде.
– Как улов, дедусь? – Валик заглянул в ведёрко с водой, там мелькнуло несколько сорожек. – Маловато, вижу.
– Была бы у меня лодка моторная, да с дуралевым корпусом. – Ипат огорчённо шлёпнул руками по своим твёрдым штанам из лосиных шкур. – Вон как у Гордея...
По Ангаре с могучим гулом подвесного мотора неслась лодка. Из-под серебристого задранного носа откатывались два пенных уса. Поплавок залихорадило, и Майор оскалился на эту наглую лодку.
– Что, Майорчик, своих не узнал? – потрепала Устя седой загривок собаки.
– Там вроде и чужой, – проговорил Ипат, щуря глаза от блеска воды. – Который на носу.
На носу «газанки» стоял какой-то неизвестный молодой мужчина. На корме за мотором сидел старик в чёрной рубахе, смоляная его борода завихрялась к ушам от ветра. На всём ходу он завернул лодку к деревне, и пассажир чуть не вывалился в воду. Он предостерегающе вскинул руку. Гордей выключил мотор, и лодка замерла в прибрежной траве.
Ипат восхищённо крякнул:
– Ловок сосед! И гость бравый парень.
Мужчина в ковбойке выпрыгнул на берег и подтянул лодку. Гордей подал ему вещи – какой-то ящичек, обшитый брезентом, рюкзак и сложенную треногу и указал на свою избу. Сам, гремя цепью, пришвартовал лодку на замок, потом выволок из неё большую рыбину, поднял, держа обеими руками под жабры. Это был таймень килограммов на двадцать.
– Ух ты, рыбка! – не сдержал Валик возгласа.
– Здоровый таймешка, – согласился Ипат. – Эх, ноги бы мне – ловил бы рыбку и покрупней.
А Гордею захотелось, видно, показать перед соседом свою силу и удачливость.
– Устюша! Во дурака поймал! Иди чистить. Гость у нас нынче. Ухой кормить будем, – прокричал он зычно.
– Ему легко говорить, – сумрачным голосом проронил Ипат. – Здоров, как сохатый! Именитый человек. Мне до него далеко, к примеру.
– Будет и у тебя именитость, деда, – ободрил Валик.
– Ах вы! – Ипат привлёк к себе внука и Устю. – Ничего не надо мне уже... лишь бы вы росли добрыми, отзывчивыми да справедливыми.
– А ты, деда, помогай. Мы вот хотим найти отгадку в той истории про Заколдованное Нагорье. Очень хотим.
– Може, лучше побасёнку рассказать какую? – схитрил Ипат. – Вот слухайте. Помню, по молодости пошёл белковать, вижу – по деревьям кто-то скачет. Не разглядел как следует я да стрелил. Гляжу, а это обезьяна. Мать моя! Лапы поистёрты до крови. Видно, не ёегок путь-то к нам из Африки...
Валик улыбнулся смущённо. Устя, взглянув на него, поджала губы, дёрнула бровями: «Видишь, мол, какой у тебя дед, не хуже гоголевского Рудого Панька».
– А то в другой раз пошёл я на сохатого... – заговорил снова Ипат, не отрывая взгляда от поплавка.
– Нет, дедусь, расскажи нам лучше про колчаковский отряд. – Валик опустился на колени, разгладил ладошками красный песок. – План начерти, как помнишь.
– Э-э, да сколько раз одно и то же поминать. – Ипат вздохнул. – Лучше я вам повеселее рассказку придумаю.
– Нет, нам та история нужна, – твёрдо сказал Валик. – Да поточнее, деда!
– Будто во сне тот случай привиделся Авдею, как он сказывал, – начал старик, прикрыв накусанные мошкой веки. – Э-э, такой сон, какой был ему наяву, не дай бог другому...
Валик подсунул сухой прутик в пальцы деда. Бородёнка Ипата уткнулась в грудь, раскрылись синие, как у внука, глаза, и прутик ткнулся в песок.

– Случилось это в зимнюю пору девятнадцатого года, – повёл свой рассказ Ипат. – Сезон охотничий к концу подходил... И Авдеюшка, как самый удачливый добытчик в деревне, выскочил первым из тайги к своим старикам...

Не отоспался ещё как следует охотник, ворвались в избу двое военных.

– Охотник Авдей Холодцов, на выход!

Пришлось Авдею слезть с тёплой лежанки.

В Заваль доходили вести из городов, что в России была революция, потом в Сибири воцарился Колчак, а теперь его начали теснить Красная Армия да партизаны. Но дальняя охотничья деревня продолжала жить без особых перемен. В Острожске, правда, начали появляться белые воинские части, а под городом в тайге объявился партизанский отряд Буранова, но охотников Завали бог миловал от тех и от других.

«И надо было мне раньше времени объявиться в деревне! – клял себя Авдей, одеваясь под смурными взглядами военных. – Попробуй-ка уйти от этих охотников!»

У одного из них было по две звёздочки на погонах. «Поручик», – отметил про себя Авдей, не служивший ещё в армии, но знавший о чинах по рассказам фронтовиков. Поручик был парнишка ещё, как Авдей, а второй – бородач – носил нашивки унтер-офицера, и грязный бинт выглядывал у него из-под папахи.

– Ты, малый, безусловно, добычливый и опытный? – спросил поручик, постукивая худыми пальцами по кобуре маузера.

– Так... маленько есть.

– Можно пройти в Острожск мимо партизан?

– Едва ли, однако, господин офицер.

– А подумать?

– На обоих берегах скрадывают партизаны, так люди говорят.

– А если крюк дать?

– Так это ж неделю крюк придётся давать, по Верхней Тайге!

– А Верхняя Тайга тебе знакома?

– Охочусь там я... мой надел. Да и то не сказать, что вглубь далеко захаживал. Места тёмные больно...

– Собирайсь!

Заголосила мать, упал на колени отец-старик, заревела молодайка-жена, да военные их мольбы не приняли. И пришлось нежданно-негаданно расстаться с домом охотнику. Мараковали завальцы, что не коснётся их большая беда. А вот – на тебе! – веди отряд в тайгу зимней ночью. Наказ от поручика был такой: «Сведёшь с партизанами – дома своего не увидишь. В Острожск приведёшь к нашим – озолотишься». И постучал офицерик маузером по одному из ящиков, что завьючены были на лошадях. Тогда стал догадываться Авдей, что за ящички везёт отряд в Острожск. Догадка подтвердилась днём, когда отошли от Завали порядочно.

Отряд остановился на привал в глубокой тайге. Стали солдаты развьючивать лошадей, один и обронил ящик. Открылась крышка, и красненькие бумажки полетели на землю, точно листья осенние.

Авдея охватил столбняк – никогда столько денег не видывал, хоть мехов приходилось сдавать вороха. А солдат кинулся на колени собирать те деньги да в ящик складывать. И возьми он припрячь несколько бумажек за пазуху. Мигом подскочил унтер.

– Ах ты воровская морда! – и кулаком солдата хряск. Деньги сами собой повылетали из-за пазухи солдата.

«Казну везёт отряд, – сообразил Авдей, – в лёгких ящиках бумажки, в тяжёлых, может, само золото». Стал соображать он, мол, всё-таки партизаны свои мужики, им бы золото это куда с добром, и решил повернуть отряд незаметно на Буракова. Да старшие остроглазые были. Поручик свою планшетку раскидывает и лоб хмурит. Прикусил усик, говорит унтеру:

– Нам лучше в тайге остаться навеки, чем долг не выполнить, Силыч, а клонит проводник нас назад, к Ангаре. Не в засаду ли своих?

– С такой казной партизаны вдесяжды кусать нас зачнут, господин поручик, – согласился

унтер да как гаркнет на Авдея: – Продать нас хочешь, Иудино семя! А ну, веди как след!
«Долго не попрыгаешь под дулом, надо крюка тайгой давать – жизнь своя дорога», – соображал охотник.
И повёл Авдей всех в дебри, куда редко и сам захаживал. Только об одном и просил офицера:
– Не вытаскивайте карту свою, господин поручик, один вред от неё в нашей тайге. Поведёт за собой нас Хозяин – замаемся! По реке Каверге надёжней, хоть крюк больше получится...
– Пока Кавергу пройдём, в Острожске ваши могут сесть!
– Дак Хозяин может залютовать.
– Молчать, чалдонья морда! Знай своё дело, а мы тебя всегда проверим, если мутить начнёшь.
Молчать, так молчать. Вывел Авдей белых на плоскотину[1], покрытую вековой тайгой. Сосны такие, что шапка валится. Ни гор не видно, ни неба. Перед тем, как войти в дебри, проверил поручик ход по карте да ещё ткнул компасом в острый, как чум тунгуса, голец Небожиха и махнул рукой:
– Пшли! Верный крюк даём, Силыч...
И спрятался отряд от света. Ходил Авдей по этим местам с молитвой и тут её вслух забормотал. Ему мерещилось, левее брать надо, но поручик шёл впереди и повелительно указывал направление рукой в чёрной перчатке. И оставалось охотнику думать, как бы изловчится да бежать в деревню. Но неотступно шёл за ним унтер, а снег только что присыпал землю: как зайца, нагонят по следам.
– Вперёд, ребятушки, не отставать! Скоро будем в бане париться, щи хлебать! В кроватях отоспимся!
Унтеру что – на офицера надежда, а проводник начал всерьёз замечать, что круто уж больно берет поручик. Потом вроде как назад свернули. А поручик через каждые сто шагов на карту смотрит и уверенно дальше идёт. Только к обеду уж дело пошло, а под ногами плоскотина, ни намёка на подъем. Лишь к вечеру вроде пошло на повышение. Выкарабкались на гребешок, а перед ними открылась непочатая плоскотина, и на противоположном краю алый голец, похожий на чум. Знал Авдей, что игловатый гольчик тот назван стариками-охотниками Небожиха не зря. Не умолишь возле той чёрной скалы Хозяина – может закрутить вконец. Но здесь лезть к воякам под горячую руку с такими объяснениями было ещё опасней.
– Что-то далече та пика проклятая! – заметил унтер.
Поручик зубами заскрежетал:
– Стрелку заело, по-видимому, Силыч... Мороз чёртов...
Переночевал отряд у костров. Наутро опять направление взяли на голец. На этот раз поручик дышать на планшетку боялся, а компас держал на ладони, словно образок. Однако Авдей снова почуял, как забирать начали вправо, потом назад повернули. И тут догадался охотник, что их отряд уже сам Хозяин водит. И ни карта, ни компас, ни собака тут не помогут: нарушили завет здешней тайги. Попытался Авдей советовать поручику карту кинуть, молитву всем отрядом читать и левее взять, пока Хозяин совсем не осердился. Но сребропогонник косо взглянул на Авдея:
– Большевичкам подарок все же хочешь преподнести?!
Когда же вечером снова вернулись они назад, проводник виноват остался. Унтер взъярился:
– Колдуешь, чалдонья морда!
Перекреститься пришлось Авдею, чтоб тут же не стукнули.
А наутро поручик вышел далеко вперёд отряда, чтоб винтовки якобы стрелку не отклоняли. Побрёл отряд к Небожихе, а к вечеру на собственные следы вырвался. Зароптали солдаты, но унтер гаркнул – смолкли. По приказу поручика бросились вперерез следам и шли в темноте, пока кони не попадали. Еле костры распалили. Поручик кончики усов отгрыз, борода унтера в сосульки превратилась, у солдат лица, точно глиняные. А вокруг деревья скрипят и снег веется: быть бурану!

---

[1] Плоскогорье.

Когда свалились у костров, притворился Авдей спящим и подслушал разговор поручика с унтером. Бородач советовал пристукнуть проводника, пока он совсем не закрутил отряд. В ответ поручик пообещал: «Выйдем к Острожску, к стенке поставим».
Захрапел Авдей, чтобы приглушить перестук зубов. А когда задремали дозоры, заполз охотник за дерево, там за другое, за третье... Встал на ноги и бежать. Кругом тайга притаилась, снег вихрится, а у Авдея сердце от радости гремит: следы к утру заметёт. Пустился по тайге не помня куда: самого уж запутал поручик. И вдруг увидел совсем рядом Небожиху. Острая верхушка гольца высвечивалась луной. Отряд у подножья расположился, и никто не ведал этого: ну, чистое ли тут было дело?!
Побежал Авдей по метели, прямо от гольца спиной да и наскочил на отряд к утру: видно, Хозяин опять вытолкал от своей любимой Небожихи.
– А-а! – заревел унтер. – Вот он, дезертир!
Выхватил шашку из ножен, а по ней алый сполох зари, как кровь. Взмахнул унтер шашкой, а поручик ему:
– Стой, Силыч, успеется!
– Ладно, идём, чалдонья морда!
А проводник застыл пень-пнём и рукой лишь смог шевельнуть, показать на косматое чудище в кустах.
– Хозяин!
Медвежий рык раздался в ответ, снег полетел на людей с ближних сосен, и солдаты бросились в разные стороны. Авдей тоже рванулся куда глаза глядят. Бежал, пока хватило сил. Потом упал в снег и пополз. Свалился в Кавергу, по льду вроде легче стало. А главное – направление верное теперь взял: вниз по речке, до ходовой тропы.
Трое суток до знакомой тропы выползал. А по ней ещё идти надо было два дня. Руки в собачьих рукавицах-мохнашках и то чернеть стали. В глазах пятна прыгучие запестрели. Прикорнуть потянуло через каждую подтяжку. С жизнью стал мысленно прощаться Авдей, с деревенькой своей, с родными, сыном Гордейкой, да тут собаки на него выскочили. Узнал Авдей соседского Султана и сознания лишился.
Очнулся, когда сам сосед Иннокентий Колокольцев уж над ним склонился. Костер рядом разжёг, чай вскипятил, мясца поджарил. И понял в этот миг Авдей, что планида у него все же счастливая. Расплакался он перед соседом и всё тут рассказал, какая беда с ним приключилась.
– Ничо, сосед, теперь будем живы, – утешал его спаситель. – Попей-ка вот чайку с чагой.
Напоил, накормил он Авдея, уложил на спаренные камусы-лыжи и повёз в деревню...
Поплавок дёрнулся и косо пошёл в глубину. Ипат выдернул удилище из песка и движением кисти подсек рыбу. В воздухе взыграл крупный елец и шмякнулся на песок. Валик поймал рыбёшку, сунул в ведро.
Ипат закинул удочку снова, почесал в бородёнке, продолжал:
– Гордею и мне Авдей путь отряда прочертил, хоть чуток и тронулся умом. – Снова прутик врезался в разрисованный песок, и ещё одна кривая линия легла между Ангарой и остроглавым гольцом Небожиха. – Чтобы выйти на следы обоза, заказывал Авдей, идите распадками, по Сохатиному да по Каверге, на плоскотину ни в коем разе не выходите, затёсы оставляйте, молитву творите, не то Хозяин по кругу пустит...
– Так прямо и сказал? – поторапливал Валик, набрасывая дедов план в записную книжку. – И вы пошли всё-таки!
– Гордею так и так деляна доставалась по наследству. Да с первого же захода вернулся сосед с обычной добычей... Охотиться, говорит, дальше перемещаюсь. А так – ни отряда, ни казны. Забудь про это...
– Зачем же забывать, – сказал Валик, упирая карандаш в переносицу. – Отряд-то не вышел в Острожск: отец архивы поднимал.
– И я рад бы забыть, да до сих пор не могу отвести от себя глаза Авдея. – Ипат вздохнул. – Эх, здоровье бы... Тружусь над ноженьками-то, бьюсь каждый день, гну их всяко разно, а встать не могу, ровно заколдованы.

– А если бы ты поднялся, деда, – Валик склонился над планом, – сходил бы туда?
– Как не сходить. – Взгляд Ипата оторвался от поплавка и устремился к сине-зелёным волнам тайги, которая теснила Ангару со всех сторон. – Очень мне интересно, какая планида вышла поручику и отряду. Вот насмелюсь как-нибудь да сострою себе костыли-самоходы, живо соберусь в тайгу... Могёт, валяются до сих пор ящики те да косточки округ Небожихи на плоскотине. Авдей помирал, просил ещё поискать. Да мне все не выходило по времени, потом – война, меня подкосила беда. А Гордей до сих пор на своём стоит.
– В таком разе мой дедушка слепой, что ли? – Устя аж подскочила от обиды, глаза вспыхнули по-кошачьи зелено. – Почему вы не верите ему?
– Кто ж так говорит, девонька? Гордей, он хозяйственный мужик, занятый, добытчик завзятый. Раз поискал и скатился в Кавергу соболевать, времени ему жалко на такие розыски. А в Верхней Тайге разом не отделаешься.
– Не отделаешься. – Карандаш Валика тыкался в записную книжку, копируя мельчайшие детали плана расположения Заколдованного Нагорья, островерхого гольца, распадков и троп. – Надо исходить те места вдоль и поперёк! По маршрутной сетке.
– Учёные приходили два года назад! – воскликнула Устя. Её нос обжигали лучи солнца, но она забыла про защитный листок. – Не кружковцы какие-нибудь.
Валик скосил глаза на девчонку и тоненько сплюнул в воду: не стоило заводиться – наступала пора делом опровергать устоявшееся деревенское мнение.
– Учёные какие-то непонятные были, – пришёл на выручку внуку Ипат и добавил своим сипловатым, как из колодца, голосом: – Ушли в Верхнюю Тайгу и носу боле не кажут. Ни ответа тебе, ни привета.
Устя опустила глаза: она тоже подозревала неладное с теми тремя учёными-геологами. Дед Ипат разговаривал с ними на своём крылечке, и Устя заинтересовалась приезжими.
Высокий, как каланча, лохматый, со стальными зубами был старший научный сотрудник. Другой – коротенький, с лицом, похожим на печёную картошку, – младший. А третий, румяный толстый мальчишка, хохотавший по пустякам, назвался лаборантом.
Они спрашивали про Устиного отца, но тот ушёл перед этим в тайгу, как оказалось потом, – навсегда. Дед Гордей был на сенокосе, и рассказывать старую историю про колчаковский отряд пришлось Ипату. Он и повторил все, что слышал от Авдея. Устя тогда уже обратила внимание, как блестели глаза приезжих при упоминании о содержимом ящиков отряда. А теперь вспоминались коробящие словечки старшего научного работника, выколки на волосатых руках младшего и сигарета в зубах юного лаборанта.
– Могли бы и объявиться после того маршрута, – подал голос Ипат. – Как так не дать о своих розысках весточки?
– Разберёмся, деда, – заявил Валик и потрепал опадающие уши Майора с седыми ворсинками. – С завтрашнего утра решил я выйти в тайгу.
На лицо старика легли тени.
– Походи, внук, это пользительно в твоём парнячьем возрасте, да отца твоего, может, и в самом деле приспособим к розыскам-то.
– Он же заблудится? – съязвила Устя.
Валик хмыкнул, презрительно покосился на девчонку и показал взглядом в сторону её ворот: иди, мол.
– С Майоркой не заплутается. – Ипат погладил всклоченный бок собаки. – Таких кровей он у меня, какие перевелись в Завали. Умнее не сыскать.
– Наш Тимур не хуже... – начала Устя, но тут её оборвал зычный голос Гордея.
– Устя-я-я! Иди рыбку почисть, гостя кормить надо...
Устя неохотно побрела к своему дому.

3

В первый раз Валик встал раньше деда. Он тихо слез с деревянной кровати, натянул

брезентовые брюки, клетчатую рубашку и непромокаемую куртку. Потом подхватил рюкзак, набитый с вечера походным снаряжением и съестными припасами, вскинул на плечо старенькую одностволку двенадцатого калибра и проскользнул в сенцы мимо ступенчатой пристройки, по которой Ипат забирался на печь. Вчера он допоздна ладил косы, грабли и вилы для колхозного арсенала и объяснял Валику, как надо вести себя в тайге. А теперь спал – только пошевеливалась занавеска от храпа.

«Дедушка думает, как Устя, что я покручусь недалеко от деревни да вернусь, – усмехнулся Валик. – Как бы не так! Надо проникнуть на нагорье как можно дальше»...

Туманное облако стояло над Ангарой, и соседний дом Гордея Холодцова казался особенно высоким, так что избушка Ипата Колокольцева напоминала зимовьюшку рядом с ним.

– Отец совсем забыл о деде, – проговорил Валик, сбивая капли росы с шерсти подбежавшего Майора. – Ну да мы напомним кое-чем...

– Чем? – раздался насмешливый голос из двора соседа.

Через щель видны были золотистый глаз со стрелками ресниц, приплюснутый нос и уголок губ Усти.

– Не отказался от своей затеи?

– Как видишь, – Валик тряхнул рюкзаком.

– Возьми меня с собой, – попросила вдруг Устя. – Соседи все-таки и вообще... Не помешаю, паря Колокольчик.

– Тебя? – опешил Валик. – Да у тебя столько дел по хозяйству.

– Мы же ненадолго.

– А дед твой как отнесётся?

– Деда сам сегодня в том направлении ушёл. С этим, вчерашним. Геофизик он, оказывается. Олегом Захаровичем зовут.

– И геофизик этот заинтересовался Небожихинским нагорьем?

Устя, сообразив, что Валика взволновала весть, заговорила бойко. Она рассказала, как гость уговаривал хозяина сопроводить его по намеченному маршруту вдоль Сохатиного и Каверги до самой Небожихи. Ему-де нужны наблюдения для кандидатской диссертации, которую он пишет в Институте земной коры. Гордей пытался отговорить его от затеи, но Олег Захарович заявил, что наймёт другого помощника.

– И тогда дедушка согласился, – закончила Устя.

– Загадочный учёный, – объявил Валик, почесав шевелюру.

– Мне тоже показалось, – добавила Устя.

– Надо будет держать его в поле зрения.

– Одному-то тебе за всем не углядеть.

– Ладно, уговорила – двадцать минут на сборы...

– Я за десять управлюсь! – откликнулась Устя. – У меня все собрано. Запру дом да бабушке Куличихе накажу за коровой присмотреть. Бабушка часто у нас хозяйничает...

Устя застучала засовами, помчалась по своему двору, и прибежала, как обещала, скоро. На плечи её ниспадал накомарник – чёрная сетка на белой шляпе, гимнастёрка была заправлена в шаровары, а гачи их напущены на ичиги.

– Так я одеваюсь, когда по ягоды хожу или по грибы, – объяснила она и показала котомку. – А здесь одеяло, припас на неделю. У нас так положено: на день идёшь – запасись на неделю.

– Предупреждаю, – отчеканил Валик, – капитан команды я!

– Да, я буду послушная, – пообещала Устя. – Распоряжайся, раз так... У меня своё дело в тайге. Присмотрю, где урожай на ягоды в этом году, чтоб потом зря ноги не бить.

– Вперёд! – скомандовал Валик, подумав, что в самом деле Устя не помешает...

Устя шла легко, буквально наступала на пятки. Надо показать девчонке настоящую ходьбу, спортивную, решил он, сбить её резвость. Устя как раз попросила не выходить на тропу, чтоб не столкнуться с дедом. И Валик с готовностью свернул на крутой увал, потянулся спортивным шагом в гору, будто на лыжной трассе. Нажимая, прислушивался к дыханию Усти. Его не было слышно. Девчонка шла – будто летела по воздуху.

А у него самого дыхание вдруг стало тяжелеть. На лице выступила терпкая испарина, и на неё стали липнуть комары. Но и Устя как будто задышала чаще и труднее.
Валик обрадованно оглянулся и увидел Майора. Собака, набегавшись по огородам, догоняла их с высунутым языком. Она дышала, как паровоз. А лицо Усти только порозовело. Она с улыбкой поглядела на спутника: «Что, мол, сбила гонор, паря Колокольчик?»
Валик склонился над своим кедом, перевязал шнурок и прикрикнул на собаку:
– Майор, ты зря не носись, береги силы...
Майор ринулся вперёд, поскакал к скальному гребню увала. Валик и Устя последовали за собакой. Чёрный хвост Майора дымком попыхивал в сочной зелени трав и кустов.
– А дед твой взял Тигра?
– Летом охотники не берут собак в тайгу. Беды они много творят. Выводков давят, молодняк загоняют...
– Глаз не будем спускать с Майора. Он должен быть у нас следопытом, а не хищником!
Устя прыснула в кулак.
Они вскарабкались на скальный гребень, огляделись. Туман расходился по-летнему быстро. Ангара трепетала синей жилой среди тайги, степушек, выгонов и полей возле деревни. Заваль наполнялась стуком кос, скрипом телег, урчаньем трактора... А здесь в спину веяло холодком тайги, из распадка неслось побулькивание Сохатиного ручья, и клубок гнуса вертелся перед глазами.
– Надо помазаться на дорогу...
Валик достал из нагрудного кармана куртки тюбик «Тайги» и выдавил белого червячка на ладонь Усти. Она с интересом посмотрела на мазь, понюхала, потом растёрла её.
– На лицо, – пояснил Валик и выдавил ещё каплю. – Не бойся – не разъест.
Устя недоверчиво хмыкнула, передёрнула плечами, решительно спрыгнула с каменной плиты, заключила:
– Комаров бояться – в тайгу не ходить.
Валик с усмешкой проследил, как она шлёпает в своей допотопной деревенской обуви, пахнущей дёгтем. А что стоили штаны, широкие, словно у запорожца? И самодельная котомка! Сфотографировать бы эту путешественницу и потом показывать в классе: «Мой Дерсу Узала!..» Но Витька Брынза, дружок называется, отказался в последний день ехать в какую-то Заваль и фотоаппарат не дал.
– Да эта девчонка опять меня обставляет! – вдруг всполошился Валик. Поправив рюкзак, устремился вперёд, обогнав Устю.
Они вошли в тайгу по невысокому водоразделу. Здесь деревья были реже, чем в распадках. Валик развил максимальную скорость, но Устя не отставала. Даже успевала присматривать, где будет самая рясная брусника. Майор равнодушно трусил впереди, вывалив горячий язык. Внезапно его уши стали торчком, загривок ощетинился, и он зарычал в сторону распадка.
Валик сорвал с плеча ружьё.
– Не стреляй, – шепнула Устя, схватив его за руку. – Очумел. Люди!
Валик и сам увидел людей, которые устанавливали треногу.
– Твой дед! – вырвалось у него. – И этот... учёный.
– Начал свои наблюдения, – подтвердила Устя. – Он ещё вчера у нас во дворе настроил свой прибор. Сейчас достанет из ящичка этот самый магнитометр.
И действительно, наблюдатель вытащил из деревянного ящика прибор с трубкой и установил его на треногу. Согнулся, припал к трубке глазом, потом записал что-то в блокнот и развернул карту.
– Карту вы пореже бы растягивали, Олег Захарович, – донёсся резкий голос Гордея. – Чего в неё смотреть, коли дорогу и так знаю.
– Карта не только тропу показывает, – отозвался учёный. – Она иллюстрирует предварительную геофизическую обстановку... И вообще, не понимаю, чего вы так, Гордей Авдеич, восстаёте против карты?
– Примета плохая, – объяснил Гордей. – Люди с картами пропадают.

– А я учёный, Гордей Авдеич. К приметам отношусь критически.
– У меня зять тоже такой был, – не уступал Гордей. – Ушёл в тайгу и не вернулся, рассказывал же я вам.
– Я опытный геофизик и уже год в академическом центре работаю, мне ли каких-то аномалий страшиться.
– Вся теперь молодёжь такая опытная да настырная. Предупреждаешь, советуешь, а они за своё да по-своему. Зять куда ни шло... Дочка после его гибели подхватилась и – в город. И письма лишнего не напишет. Тоже научница, закрути её под корень.
Геофизик оторвался от своего прибора, спросил:
– А не потерялся ли ваш Сергей в том же Небожихинском месте?
– По нашей тайге вообще долго не проблукаешь, – пробурчал Гордей. – Сама себя она сберегает.
– Смотря от чего сберегать, – проговорил геофизик и поглядел на Гордея в упор. – От жизни – не сбережёшь.
Валик ощутил лёгкие удары хвоста по ногам, потом услышал шелест травы – Майору надоело сидеть, и он двинулся к тропе.
– Назад! – цыкнула на собаку Устя и, отступив, тихо пошла по склону. Валик последовал за ней. Майор тоже понял, что объявляться им перед теми людьми совсем ни к чему, и потрусил за хозяином.
– Да, любопытный дядька этот геофизик, – сказал Валик, догоняя Устю. – Какая цель его наблюдений?
– Изучает аномалии...
Устя весь вечер крутилась возле гостя и кое-что выведала. Геофизик показал ей прибор в работе, установив его во дворе на треноге, Он подмигнул ей серым глазом, пояснил, что эта штуковина определяет аномалии, может показать и клад, предложил посмотреть в трубочку. Устя увидела на круглом белом экранчике вертикальные риски, точь-в-точь как на линейке. Но этих линеек было две: одна неподвижная, а другая колеблющаяся. И подвижная шкала, как назвал её Олег Захарович, колебалась в сторону собачьей будки. Устя лукаво спросила: «В будке Тигра – клад?» Гость засмеялся и сказал: «По-видимому, всего-навсего цепь». Потом Устя чистила тайменя и слышала, как гость предлагал деду нанять кого-нибудь для рубки просек и рытья шурфов. Однако дед сказал, что сам справится со всей работой, потому что привык трудиться за троих. И тогда Олег Захарович попросил не нарушать этого уговора, потому что он должен торопиться: в его распоряжения осталось восемь дней. Дед ответил, что они выйдут завтра чуть свет...
– Вот теперь и проводим их на плоскотину, – завершила Устя свой рассказ. – Лишь бы дедушка не учуял.
– Да, странный маршрут с магнитометром, – пробормотал Валик. – Боюсь, про клад он тебе не соврал...
– Стал бы, думаешь, мой дедушка поддерживать пустое дело? – возмутилась Устя.
– Заплатил – и стал, – ответил Валик.
– Ты моего дедушку так низко не цени! Он мудрый, старинные книги читает. Травы разные, корни знает лечебные...
Они вышли на редколесную вершинку, остановились, зачарованные безбрежьем тайги, по которому ползли тени облаков, как по океану. Да, в такой пучине пропасть человеку ничего не стоит. Устя придвинулась к Валику, а он к ней. Они поняли, что оробели перед этой дикой необъятностью.
– Пойдём, – наконец тихо сказала Устя, – Тут не страшно. До этих мест ребятня за ягодой ходит. Мы же и на Кавергу поднимаемся.
– Мне чем дальше, тем лучше, – бодро отозвался Валик. – Может, там метеорит, и пробы укажут потом к нему дорогу.
Они снова устремились за Майором, который тенью скользил впереди. Устя по ходу высматривала ягодники. Урожай обещал быть хорошим, и белки с бурундуками частенько

дразнили Майора. Он становился на задние лапы возле дерева, передними скрёб кору и повизгивал в тайной надежде, что хозяин выстрелит. Но Валик проходил мимо пса быстрым шагом: не до забав теперь было – недалеко шёл, может статься, кладоискатель с магнитометром. Не в его интересах научная разгадка аномалии, иначе один бы он не припожаловал в тайгу. Хочет с помощью прибора засечь ящики с металлической кладью и воспользоваться богатством по своему усмотрению. И надо, выходит, теперь ухо держать востро.

Шли быстро и молча. Спустились в распадок. Майор вдруг кинулся в самую гущу кустов и оттуда послышалось хлюпанье. Валик раздвинул прикладом краснотал – в лицо ему хлестнули брызги. Майор плескался в ручье!

– На сегодня, пожалуй, хватит. – Валик сбросил рюкзак и ружье на траву, шагнул к бережку и упал в ручей лицом.

– Ручей Сохатиным не зря называется, – сказала Устя, тоже обмывая лицо. – Отсюда начало настоящей охоты... И дедушкин надел здесь начинается.

Валику разговаривать не хотелось: тело требовало отдыха, как после четырёх таймов подряд. И ступни горели. Пришлось по совету Усти снять кеды, разбросать пропотевшие насквозь носки по кустам и засунуть ноги в холодную траву. Валик положил голову на рюкзак и закрыл глаза.

Где-то невдалеке раздалось шлёпанье крыльев по воде.

– Майор погнал утиный выводок, – объяснила Устя. – Говорила же – собака летом тайге во вред.

– Ещё разобраться надо, кто больше вреда приносит: собака или иные люди... – пробормотал Валик.

Скоро пёс вернулся и, отряхиваясь, обдал хозяина каскадом брызг. После купанья он стал забавным: лохматый зверюга на тоненьких ножках.

– Марш отсюда, пустозвон! – все же прикрикнул на него Валик.

Пёс отскочил к Усте, которая разжигала костёр. Та приласкала его, и он успокоенно лёг у костра.

Валик снова закрыл глаза. Его ноздри ощущали запах тины, дыма, потом печёной картошки... Тайга поглотила огненный ком солнца. Стало легче дышать: спрятались оводы и мошкара. И лишь комары тоненько позинькивали в воздухе.

– Иди, капитан! – позвала Устя, выкатывая из костра печёную картошку. – Кушать подано.

Валик подвинулся к тряпице, разостланной на траве. Устя выложила из своей котомки каравай хлеба, пучок лука, варёные яйца, холодное мясо, пакетик соли. Он схватил обгорелую картофелину и разломил её. В ноздри ударил вкусный пар. На зубах захрустела корочка.

– Никогда не ел такой вкусной картошки, – признался Валик, заталкивая в рот и стебель лука.

– У нас всем картошкам картошка, – ответила Устя. – Земля потому что особенная, папа говорил: в ней много полезных элементов.

– Все элементы здешние мы должны выявить, – напомнил Валик. – И как они распределяются в направлении Небожихи.

– Считаешь, в ваших лабораториях нашу землю просветят? – спросила Устя, надламывая над котелком с булькающей водой плитку чая в обёртке из фольги.

– Ещё как, – ответил Валик и взялся за яйцо с хлебом. – И, может быть, такое откроют, что целую экспедицию сюда направят.

– Нужны нам эти экспедиции дальше некуда, – Устины зубы снова блеснули в усмешке. – Только урон тайге.

– Опять из тебя лезет твоя домоседная мудрость, – ответил Валик. – Вон даже научник ваш выдал деду Гордею про жизнь, от которой ничего не укроешь.

– А нам и нечего укрывать, паря Колокольчик.

– Это мы ещё посмотрим.

– Смотри, сколько влезет. А пока пей чай, капитан!

Устя налила Валику полную кружку.

После еды Валик отяжелел. Отполз к своему рюкзаку, расстелил дедову телогрейку и улёгся на ней, поджав ноги.
– Ночью замерзнёшь, – сказала Устя. – Нашенские так не ночуют.
– А поисковики должны закаляться, – ответил Валик. – Особенно изнеженные городом.
– Закаляйся. – Устя разбросала костёр, наломала пихтовых лап и настелила на жаркую землю. В небольшой с виду её котомке оказался целый склад нужных вещей. Она извлекла оттуда скатанную в рулон шкурку и меховое одеяло. – А мы устроимся по-нашему, по-деревенски.
И Майор улёгся в её ногах.
Валик зябко пошевелился под своей курточкой, увидев, как Устя накрывается одеялом. В темноте гасли разбросанные угольки, белел нос девчонки и разгорались звезды. Трели сибирского соловья неслись из темных кустов, да сонно шелестела вода в завалах. И вдруг донёсся треск, будто сильные руки ломали сушняк.
Сразу же вскочил Майор, не раздумывая, метнулся на треск, наскочил на кого-то, и по тайге разнёсся его жалобный визг.
Валик скатился с телогрейки, лихорадочно стал хватать траву.
– Где ружье? – паническим шёпотом спросил он Устю. – Где моё ружьё?..
Наконец, вспомнил, что ружье бросил за рюкзаком. Нащупал мокрый от росы приклад, схватил, метнулся к Усте, упал на хвойную кучу и прицелился в темноту.
«И-и-и!» – затихал скулёж Майора.
– Медведь, что ли? – отстучали зубы Валика.
– Похоже, человек, – прошептала Устя, прижимаясь к нему.
– Эй, кто ты, отзовись! – крикнул в темноту Валик, но ответа не последовало.
Он повёл ружьё на треск, но шум стал удаляться.
– Стрелять?
– А вдруг убьёшь? – Устины глаза высветились зыбучим светом луны.
– Кого?
– У-у-у! – отозвалась тайга.
Хрустнул где-то в отдаленье сучок, ещё дальше вверх по течению раздался всплеск, будто кто-то шёл по воде. И все смолкло.
Но Устя и Валик напряжённо слушали. Майор не возвращался. И то одному, то другому начинало казаться, что кто-то подкрадывается к ним, приходилось поворачивать ружье то в одну, то в другую сторону. Наконец, они так измучились, что не заметили, как уснули, тесно прижавшись друг к другу.

4

Валик раскапывал клад. Он разгребал руками холодную землю, которая пахла прелой хвоей, рвал крепкие корни. И вот его ногти скребнули о железную крышку сундука. Быстрее, быстрее! Иначе спохватится геофизик, прибегут они вместе с дедом Гордеем с лопатами и выкопают клад. Вот и край крышки. Ящик похож на гроб. Ну, не все ли равно? Главное – клад!
Валик расставил ноги пошире вдоль раскопанного гроба-сундука и рванул крышку за край. Но что это?! Вместо золота – шевелятся какие-то волосы. Да это же борода! Чья-то бородатая физиономия ухмыльнулась ему... Он закричал и бросился наутёк. Деревья хлестали мокрыми лапами так больно, что он проснулся.
В глаза било солнце. Гнус гудел и вился столбом. Он провёл рукой по лицу и шее – на ладошке остались красные полосы.
– Ни ночью покоя, ни днём, – пробормотал Валик. – Какое-то заколдованное место, в самом деле.
Он осёкся, заметив, как Устя пошевелилась рядом. А Устя только ворохнулась и вновь засопела под одеялом. Девчонке тоже снился сон. Она видела отца. Шагал к ней отец по вершинам сосен и елей. Оттуда, куда шли они. Отец был в туристских ботинках, точь-в-точь, как у Олега Захаровича. И так же у ковбойки подвёрнуты рукава. И улыбался отец, как их

странный гость, загадочно.
Отец остановился перед ручьём и протянул ей руки. Но Устя не могла перейти на тот берег. У этого таёжного ручья не было дна. Майор переплыл на ту сторону и кинулся отцу на грудь, Устя все бегала по берегу...
– Вставай, Устя! – Валик подтолкнул её в бок. – Майора искать надо.
Устя открыла глаза и прикоснулась к щекам: так и есть – плакала во сне. Очень уж странный сон. Если верить деду Гордею, они на пути к отцу. То есть поворачивать никак нельзя. Надо идти вперёд, несмотря ни на что.
Устя отбросила одеяло, и мошкара разом облепила её заспанное лицо.
– Натрись! – Валик протянул тюбик.
Устя на этот раз не стала ломаться, густо смазала лицо «Тайгой».
– Похоже, какое-то привидение уволокло нашу собаку, – грустно сказал Валик.
– Может, от испуга он домой убежал? – отозвалась Устя.
– Как бы не так! Майор – собака верная. Без него дед меня не отпустил бы в тайгу.
– Пойдём искать...
Они поднялись и пошли в ту сторону, откуда ночью донеслись взвизги Майора.
Валик сжимал побелевшими пальцами ружьё. Он вздрогнул, когда рядом, в ручье, крякнула утка и кинулись врассыпную утята. Оглянулся, не видела ли Устя его испуга? Но она рассматривала следы собаки в толстом моховом покрове. Неожиданно бросилась вперёд.
– Майор! – закричала она и всхлипнула. – Майорчик...
Пёс лежал на боку. Глаза его потускнели. Из-под передней лапы торчала чёрная рукоятка ножа.
Устя прижалась лбом к стволу лиственницы и заплакала. Валик прикусил губу, чтобы самому не разрыдаться, поставил ружье и опустился на колени перед собакой.
– Прости меня, Майор, – проронил он, выдернул нож, вытер лезвие о мох.
– Устя! Смотри, что здесь написано.
На эбонитовой рукоятке была выгравирована надпись: «Олегу Захаровичу Макову от однокашников на фартовые маршруты».
– Это его ножик, геофизика, – проговорила Устя, всхлипывая.
– Все понятно, – заметил Валик.
– Как же деда-то допустил? – прохлюпала Устя. – Надо сказать дедушке, что за человек этот Маков.
– Дед твой тоже хорош, – Валик вонзил нож в мох. – С кем связался? С авантюристом... Постой! Как он нас засёк, кладоискатель этот?
Устя склонила голову, призналась:
– Я дедушке рассказала при нём, что ты пробы разные хочешь в город увезти, а потом всерьёз собираешься искать следы отряда...
– Ну и как этот отреагировал? – хмуро спросил Валик.
– Олег Захарович заинтересовался, стал расспрашивать, что да как, – вспомнила Устя. – Однако дедушка на смех поднял твоё намерение. Походит, мол, за огородами да назад. У балаболистого Ипата и внук, мол, такой же...
– Да, этот геофизик куда дальновидней твоего деда, – процедил Валик, ожесточённо срывая моховой покров. – Похоже, нежеланные мы свидетели для него!
Они разгребли коричневый перегной, выковыряли красную супесь со щебёнкой – образовалась яма. Устя набросала на дно мха. Валик стащил туда Майора.
Они постояли рядом над могилой собаки, молча возвратились на табор. Валик пошёл умыться к ручью и обнаружил в воде на корневище обрывок газеты.
– Идем! – он махнул рукой вверх по течению. – Где-то они там стоят... Догоним и нож отдадим деду твоему, чтобы выводы сделал!
– В таком разе дедушка примет меры, – заверила Устя. – Он сдаст его в милицию... Там разберутся, что за учёные наповадились к нам в Заваль.
Они уложили рюкзаки и зашагали вдоль Сохатного, ожидая за каждым поворотом ключа

увидеть геофизика и его проводника. Заросли по распадку были дремучие. Приходилось выискивать звериные тропки, пробираться по ним. Один раз на сырой земле они увидели довольно отчётливый рубчатый след, затем к нему присоединились следы резиновых сапог.
– Спокойно идут, – заметил Валик.
– Он думает, мы пустились наутёк.
– Если б не жарища, уже бы догнали их...
Солнце действительно обжигало. Все чаще преследователи срывали красноватую кислицу и кидали в рот. Да от недозрелой ягоды сильнее сосало под ложечкой.
– Может, сварим чайку? – предложила Устя.
– Идём, чаёвница! – По лицу капитана катились ручьи пота. Едкий пот размазывал мазь, и мошкара все плотнее наседала на него. – За Майора надо рассчитаться! Такую собаку....
Ключ завил перед ними огромную петлю. Они не стали обходить её, а перебрели два раза и вышли на песчаную косу. Песок был утоптан знакомыми сапогами и ботинками. Тут же чернело пятно костра. Рядом на траве валялась банка из-под сгущёнки.
– Молочком баловались, – угрюмо сказал Валик, глотая вязкую слюну. – Никаких угрызений совести.
Он сбросил рюкзак и с ружьём в руках двинулся в кусты. Из-под ног с шумом разлетелся выводок рябчиков. Но он лишь мельком взглянул на них, стараясь не потерять следы. А они сворачивали вправо к речке Каверге.
Валик раскрыл записную книжку. Каверга, хоть и давала большую петлю, вела в Верхнюю Тайгу, к остроглавой Небожихе. Выходило, геофизик и дед Гордей направлялись, по всей видимости, к Небожихе. И почему так всерьёз они относились к каким-то двум подросткам, по их же мнению, с блажью в голове?
«Выходит, дело нечистое, – рассудил капитан. – Не шпион ли какой этот тип?! В таком случае следует держаться на расстоянии. И вовремя вступиться! Поймать шпиона – это почище обнаружения какого-то заколдованного места!» И он решил, что надо ещё раз все обсудить с Устей.
Валик закинул ружье на плечо, зашагал к дымку, выбивавшемуся из кустов.
Устя уже варила суп. Капитану оставалось терпеливо ждать. Он сел у костра и уставился на котелок, в котором булькали ломтики картошки, кусочки сала и зерна перловки.
– Похоже, у них сильная команда подобралась, – сказал Валик, почёсываясь. – Прибор, видно, очень непростой. Мало ли что там вмонтировано... Может, даже рация. Вызовет вертолёт этот Маков, и – привет нам всем.
– Только бы догнать дедушку! – Устя собрала ложкой серую пену, сбросила её в костёр. – Бросит он этого геофизика.
– Как же, бросит! – Валик вскочил. – Тот, наверно, пообещал хорошую плату...
– Ты на себя не бери слишком много! – Устя отшвырнула ложку и пошла в тайгу. – Колокольчик пустозвонный! – крикнула, не оборачиваясь.
Суп всплыл в котелке. Валик поднял ложку с травы и, помешивая варево, поглядывал на покачивающийся куст жимолости. Повариха не возвращалась.
– Устя! – позвал он виноватым голосом.
Только дятел простучал в ответ.
– Придёшь, – пробормотал Валик, снимая котелок с тагана. – Голод заставит.
Он поставил котелок в траву, достал хлеб и начал есть. Со второй ложки распробовал – суп несолёный, да и есть расхотелось. Конечно, Усти нет рядом. «Как-то незаметно успел сдружиться, – подумал он. – Устя вообще отличный малый... Куда лучше подлого Витьки Брынзы... И за что обидел её, пенёк? Она-то в чём виновата?»
Он походил по поляне, покричал во все стороны – Устя не откликалась. «Надо же, какая обидчивая. Принцесса прямо».
Пришлось взять ружьё и направиться на поиски. По пути Валик сорвал ягоды жимолости и кинул в рот. Поморщился и побрёл дальше, отыскивая чуть видные вмятины во мху. Взошёл на увал, следы потерялись. Стал кричать, но безответно. Перевалил закрещённый буреломом

бугор, покричал ещё и вдруг заметил, что не слышит шума речки. Кинулся в одну сторону, в другую... Нашёл как будто бы тот же бурелом. С него пошёл на спуск. Брёл до самих сумерек. «Неужели заблудился! – застучало в голове. – Как могло получиться?»
Но тут он услышал шум речки. И одновременно увидел жаркий блеск костра.
– Я её ищу по всей тайге, а она дожидается меня, – проворчал зло Валик и зашагал на огонь, вспыхивающий за черными стволами сосен. – Дудки! И ты без меня в тайге одна не сможешь долго, принцесса в ичигах!
Но злость проходила, уступала чувству вины. Решил подкрасться к костру, немного напугать Устю, чтобы все превратить в шутку и помириться. Однако, когда перед ним расступились деревья, он увидел ковбойку геофизика Макова и бороду Гордея!
«Вот это фокус! – тревожно пронеслось в голове. – Вышел на чужой табор!»
Гордей ломал сучья и подкладывал в костёр, под кастрюлю и котелок, висевшие на тагане. На полянке лежали вещи – котомка, рюкзак, деревянный ящик с прибором, тренога, чехлы, ружьё, лопата, кайлушка и полевая сумка.
Валик привалился к сосне и закрыл глаза, мысленно стараясь представить, как выбраться из этого распадка в свою падь. Надо было спуститься в Кавергу, затем идти до Сохатиного. Объявляться сейчас этой команде нельзя, к тому же надо искать Устю.
И капитан решил отступить. Но тут раздался удивлённый голос Макова:
– Ну где я мог выронить нож? – Он похлопал пустыми ножнами по волосатой руке и отшвырнул их в траву. – Куда он мог задеваться, Гордей Авдеич?
– Да будя вам убиваться, – утешил Гордей. Голос его был, как прежде, тонкий и скрипучий и никак не соответствовал дремучей бороде. – Моим обойдёмся. – И он вонзил свой скошенный на конус охотничий нож в каравай хлеба. – По первому разу в нашей тайге и голову потерять недолго.
– Чёртов сын, – проворчал Маков. – Подарок друзей потерять!.. Надо прибор осмотреть: всё ли на месте?
Он достал из деревянного ящика круглый бронзовый прибор, положил его на ладонь и сориентировал пальцы на Полярную звезду.
– Ну и показывает что-нибудь, Захарович? – полюбопытствовал Гордей. Он стоял на четвереньках возле костра и напоминал лешего. – Приближенье какое к твоим намалиям или там к чему?
– Буссоль, а попросту компас служит только для наводки прибора. – Маков мягко открыл крышку деревянного ящика, где стоял прибор с вертикальной трубкой, и засунул буссоль в кармашек на внутренней стороне дверцы. – Но без неё, между прочим, прибор не покажет ничего! Так что надо беречь пуще глаза.
– Да уж постараемся, – сощурил Гордей огневые глаза. – Больше ничего у нас не пропадёт, ручаюсь!
– Если выявим на маршруте наземную аномалию, в накладе никто из нас не останется. – Маков с наслаждением развалился на спальном мешке и мечтательно поглядел на звёзды. – Эх и грохну же я тогда диссертацию!
– Это ещё что за зверь такой? – уставился Гордей на спутника, хлопая веками, как ослеплённый филин.
– Это научная работа называется так, – объяснил снисходительно Маков. – Не напишешь – вроде вполцены твоя работа.
– Зачем писать какие-то дистертации, если к тайге способный? – протянул Гордей. – Пособолевал сезон, к примеру, потом поплёвывай себе в потолок без этой самой дистертации.
– Ха-ха-ха-а! – разнёсся меж соснами смех Макова. Геофизик вытер слезы и сказал: – Странный вы человек, дедусь.
– Это чего же во мне странного? – сощурился Гордей.
– А то, что свет клином представляете – всё от себя, – объяснил Маков. – Много ли вы видели на своём веку учёных, Гордей Авдеич, а представление о науке уже составили, да какое!
– Дак что ж не составить, когда до вас тут трое появлялись, – отозвался Гордей. – Те все про

богатый груз белого отряда расспрашивали соседушку Ипата. А этому чокнутому только дай поговорить про тот обоз с казной!
– Да что вы равняете меня с этими охотниками за сокровищами царя Соломона? – нервно ответил Маков. – Мало ли кто рядится в тогу учёного?
– Тоже не ночью прошёл по деревне, – напомнил Гордей.
– Но обошёлся без расспросов, не так ли? – возразил Маков. – Потому что мне афишировать свой маршрут не резон.
– Ну, если так, то тебе просто повезло, Захарович, что на меня вышел, – размяк Гордей. – Пристань ты с расспросами к Ипату, вся бы деревня через час знала, зачем прибыл, а там и выше б пошло, могли бы власти заинтересоваться. А так ни одна душа не докопается... Гордей, он могила, всякий в деревне скажет...
– Не такая уж могила, если эдакую живую внучку растите, – возразил Маков. – Смышлёную, шуструю, любознательную!
– Ради неё и живу, – вздохнул Гордей. – Глаз с неё не спускаю... А она к несуразностям всяким имеет склонность, как отец её, мечтатель. – Гордей повёл мохнатыми бровями, и под ними сверкнули глаза, будто блесны. – Сами слышали, как просилась в наш поход... Будто мёдом тут намазано. Попрыгушка!..
– Нет, Гордей Авдеич, определённо вы клином от себя и действуете. – Маков пошевелил костёр, чтобы видеть лучше лицо проводника. – Ну, зачем насильственно отбивать у девчонки тягу к интересному и необычному?
– Помнить должна, – пробурчал Гордей, прислушиваюсь к звону Каверги, – тайга шустряков не любит!
– Она всех одинаково жалует, – возразил геофизик, – и затворников, и куркулей.
– Я вот, почитай, с детства в ей кручусь – и жив-здоров, потому что не задираю Хозяина, – напирал голосом Гордей, – а зять мой со своими высокими материями в голове на первых же шагах споткнулся. Все не хотел смириться с тихостью нашего угла. Донимал меня расспросами про камни в тайге. Не видел ли я каких особенных. А я б и видел – отшвырнул бы подале.
– Отчего ж у вас такая ненависть к камням, дедусь? – с хрипотцой хохотнул Маков. – Что вам плохого камни сделали?
– Не сделали, так сделают! – затрясся Гордей. – Не успеешь глазом моргнуть, как наедут всякие изыскатели-откопатели. Речки отравят, тайгу повырубают, живность поразгонят. А людей с толку посбивают лёгким заработком.
– А сам за двоих решил вкалывать у меня! – заметил Маков с тем же хохотком.
– На хорошее дело почему и не поработать, – ответил Гордей, и на его бугристом лице тоже появилась ухмылка. – На эти самые намалии невидимые ваши... На чистую научность, которая людям не мешает. На дистертанцию вашу.
Геофизика даже покоробило от улыбки проводника. Да и Валику стало не по себе, будто леший взглянул тебе в самые зрачки.
– Прошу камни не отбрасывать, Гордей Авдеич, они тоже для науки, – донёсся построжавший голос Макова. – Я вам плачу...
– Да камням что за место в вашей науке? – удивился Гордей. – Их столь по тайге валяется – не сочтёшь!
– Камни тоже влияют на мои наблюдения! Так что никакого самоуправства. Прошу выполнять мои указания!
– Пока отрабатываю как будто ладом, – Гордей подхватил котелок с тагана лапищей и с поклоном поставил перед своим шефом. – Прошу отведать таёжной похлёбки!
Маков повеселел, певуче произнёс: «С удовольствием», – взял ложку, и они принялись ужинать.
До ноздрей Валика долетел дразнящий запах мясного бульона с картошкой и грибами. Даже голова закружилась. Но он стиснул зубы и плотнее прижался к своей сосне, стараясь не упустить ни одного слова из разговора геофизика и Гордея. Теперь он понимал, как ему

повезло, что набрёл на этот табор.
«Надо держаться от них пока на расстоянии, – твёрдо решил он. – А ещё лучше – придумать способ обезвредить прибор. Но как это сделать?»
Под ложечкой сосало все сильней, но Валик не двигался с места – вырабатывал план диверсии.
Маков и Гордей наперегонки запускали ложки в котёл и чавкали, не стесняясь. Потом они попили чаю и улеглись спать. Геофизик залез в тонкий спальный мешок, а Гордей улёгся рядом с костром на кучу хвои, накрывшись телогрейкой. Шеф перед сном подымил папироской и посетовал, что Гордей не взял с собой Тигра. Дед ответил по-устиному, что летом собака в тайге только во вред. Маков заметил, что сторож на таборе нужен. Тогда Гордей успокоил: он-де сам не хуже любой собаки. И они заснули.
Валик не спускал глаз с ящичка, высвеченного полоской лунного света, который прорвался сквозь гущу тайги. Ему пришла в голову удалая мысль. В игре бывает, ловкий нападающий так проведёт мяч между двумя игроками противной команды, что они сталкиваются между собой...
И капитан оторвался от сосны. Ступая на носки, двинулся к ящичку, но нога зацепила чехол из твёрдого брезента, и тот зашуршал. Гордей пошевелился, однако не проснулся.
Валик словно со стороны видел свои бледные пальцы. Они коснулись ящичка, откинули крючок и вытащили из кармана незаменимый прибор, который назывался буссолью. На ходу он поднял ножны, отброшенные геофизиком, и стал отступать от табора к реке. Кеды беззвучно касались земли, покрытой то травой, то прошлогодней хвоей, то мхом. Валик отошёл шагов на триста, лёг у воды и долго пил, смывая с лица пот.
Теперь он знал, где очутился, и вернуться к своему табору не представляло труда. Когда Валик перешёл речку и начал продираться сквозь заросли, в глаза ему ударил огненный клин костра, отражённого в плёсе.
– А, нашлась пропажа! – встретила его Устя.
– Неизвестно, кто из нас потерялся! – радостно отозвался Валик.
Устя сидела у огня, подбрасывая в огонь сучья. Валик подсел к костру, снял мокрые кеды, носки и уставился на огонь. Устя молча подвинула ему котелок и хлеб на тряпице. Он зажал котелок между коленками, накрошил в суп хлеба и заработал ложкой.
Суп оказался вкусным, пахучим и досоленным. Он выскреб все, облизал ложку, сказал с торжеством:
– Теперь они ничего не определят своим прибором. – Валик вынул из кармана буссоль, показал Усте. – Он нас хотел испугать, да не на тех нарвался.
Устя скосила глаза на буссоль, брови её вздёрнулись.
– И ты считаешь, сильно навредил ему?
– Без буссоли он как без рук. Грош цена теперь его магнитометру.
Валик-то знал подлинное значение этого прибора, вроде обыкновенного компаса в круглой коробке. Он отпустил стрелку, и она забегала, постепенно успокаиваясь. Чёрный её конец показывал на Полярную звезду. Цифры и мелкие риски по бронзовому лимбу фосфоресцировали даже в свете костра.
– Хороший прибор, компасом нам теперь послужит, – пробормотал Валик и достал записную книжку. – А им теперь придётся возвратиться назад. Думаю, там разберутся, что за геофизик этот Маков Олег Захарович.
– А если они начнут искать нас, капитан? – предположила Устя.
– Мы не пойдём по тропе, – объявил он. – С компасом-то мы можем рвануть прямиком по тайге до самой Небожихи.
Он придавил листок со схематичным планом буссолью, стал перед костром на колени и уложил записную книжку на землю, будто собрался молиться на неё.
– Вот так чесанём, – Валик провёл ногтем прямую линию от Каверги до самого верховья, и она отпечаталась не хуже, чем от карандаша. – Петлять мы не будем. Возьмём азимут и за один день дочешем до Небожихи. – Он покосился на Устю. – Ловко я отыгрался, скажи?
– А вдруг он настоящий учёный?

– Такой же, как я космонавт!
Валик достал из рюкзака нож геофизика, вынул из кармана ножны.
– Впрочем, ты можешь повернуть назад – не держу, – сказал бесстрастным голосом.
Устя ничего не ответила.

5

Комары разбудили их рано, только начали проступать деревья из темной стены тайги. Трава, кусты и паутина серебрились от росы. Речка была забита туманом.
Валик увидел, что накрыт краем одеяла. Не заметил, как ночью вполз на горячую хвою и забился к Усте под одеяло.
Он бодро вскочил, начал бегать, разминая ноги. Устя тоже встала и сразу же принялась разводить костёр.
Через каких-нибудь пятнадцать минут закипел чай в котелке. Они доели яйца, лук, редиску и сложили пожитки в свои облегчённые котомки.
Тронулись в путь, собирая на себя росу.
Перебрели холодную Кавергу. Хлюпая мокрой обувью, поднялись на увал. Здесь увидели вывороченную сосну, застрявшую кроной между двумя другими соснами. Валик взбежал по накренённому стволу до самой верхушки, и перед ним открылось сосновое море с остроугольными выплесками елей.
– Ну и плоскогорье! – воскликнул он, козырьком кепки прикрывая глаза от солнца. – Глазу не за что уцепиться! Нет, стой, вижу Небожиху! Красавица!
На горизонте из моря тайги вставала скала, напоминающая крону гигантской ели. Сзади раздался шорох, и Валик ощутил на шее дыхание Усти.
– Вот прямо на вершину Небожихи и возьмём азимут, – проговорил он, на ощупь доставая компас из кармашка рюкзака.
Бронзовая оправа сверкнула на ладони. Валик склонился над буссолью, дождался, чтобы успокоилась стрелка, и закричал:
– Сто двадцать три градуса! Как вчера и рассчитал. Пометеорили! Мы их здорово обойдём, – добавил он, сбегая на землю вслед за Устей. – Если даже они рискнут продолжить маршрут.
– Как бы самих себя не обойти.
– Брось ты плакаться! Сейчас побежим – только шорох стоять будет.
– Я всё папу во сне вижу. Не к добру это – покойника часто видеть во сне, так деда говорит.
– Не боись! Теперь с таким могучим компасом мы не пропадём!
Капитан таёжной этой команды из двух человек лишь мельком глядел на компас, намечал дерево на кончике осевой линии и, почти не останавливаясь, двигался дальше. Странные нетаёжные предметы уже начинали ему мерещиться то тут, то там. Но при подходе оказывалось, что это рыжая муравьиная куча, или трухлявая валежина, или рога сохатого, изъеденные зверьками, или просто солнечная зайчики в траве. И каждый раз у Валика сердце подскакивало к горлу. Устя же спокойно подходила к «предметам», на своего капитана поглядывала, как на человека чуть не в себе: с жалостью, предупредительностью и надеждой на выздоровление.
– Ну, подожди, – пробормотал Валик и прибавил шаг, – не может такая тайга да не подбросить подарочек!
Его свободная рука рубила солнечные узкие полоски, прорвавшиеся в сумрак тайги, расплёскивала листья кустов, обнимала стволы деревьев или отталкивалась от них. Он не глядел под ноги. Он видел перед собою лишь ориентиры. Он развил высокую скорость. Перепрыгивал валежины, притаптывал кусты. Однако Устино лёгкое дыхание всё время слышалось за его спиной. И только ичиги шуршали все сильнее.
Пора было уже пообедать, но Валик не останавливался. Он оставил мысли о пробах как резервный вариант и все больше утверждался в надежде обнаружить какой-нибудь ящик отряда с налёту, не доходя до Небожихи. Все чаще приходилось выплёвывать мошкару,

пойманную раскрытым ртом, но капитан не сдавался.
И тут подвернулась тропа, которая была глубокой, как корыто. Лишь изредка зарывалась она в мох или траву. Валик прикинул её направление – сто двадцать два – сто двадцать пять градусов. Тропа была протоптана лосями, изюбрами и козами по их азимуту, хоть и петляла иногда возле кустов и деревьев.
Но Валику петли были кстати. Он делал короткие перебежки на поворотах тропы, когда Устя не могла увидеть его за кустами. И так перехитрил её: оторвался метров на двадцать. Убедился в этом, когда на миг обернулся перед островком черёмухи, за которой резко сворачивала тропа. Он подумал, что за этими кустами выиграет сразу метров десять. И в тот же миг земля расступилась под его ногой. Он ойкнул, поймался рукой за черёмушью ветвь, но та стряхнула его в какую-то яму.
Коротко вскрикнув, Валик приземлился на ноги. На голову полетели жёрдочки, мох и усохшие листья. Капитан застонал, но тут же схватил себя за губы: большего позора перед Устей трудно было придумать.
– Э-э-эй, Устя, осторожней, ловушка.
Перед ним прыгал на глиняную стенку лягушонок. Он шлёпался на дно и снова кидался на стенку. Валик измерил взглядом расстояние до корня, который торчал на краю ямы. Глубина была метра два с половиной.
– Отсюда, братец, не выпрыгнешь, – сказал он лягушонку, кривясь от боли. – Вот это сюрприз! Кто же это тут так старается?
Над головой раздался шорох. В лицо полетели сухие хвоинки и комочки глины. Над ямой белело лицо Усти, обрамлённое козырьком шляпы под накомарником. Глаза были тёмные от расширившихся зрачков. Но вот она увидела, что её капитан стоит на ногах, и тихо рассмеялась. Зрачки её сразу ужались, а круглые ноздри вытянулись. Устя не могла удержаться от смеха: «Наконец-то этот молодец залетел... Рассказать ребятам, как городской гость в ловушку попал, – со смеха умрут...»
– Ну, что же ты? – спросил Валик. – Хочешь меня оставить в этой яме?
Устя протянула в ловушку жердь из настила. Валик не спеша поймал лягушонка, выкинул наверх, потом подвесил ружье и рюкзак на жердь. Всё это вытянула Устя и снова опустила жердь. Он ухватился повыше срезанного сучка и заскрёб стенку ногами. Из-под кед полетели комочки глины. Подошвы соскользнули, и он повис на жерди.
– Тяни! – приказал он, но жердь скользнула вниз. – Эх ты, слабачка!
Устя сама чуть не свалилась в яму – ичиги скользили по траве. Тогда она подложила под ноги высохшую ветку и снова потянула жердь. Лицо её напряглось, капля пота слетела с кончика носа, треснула под мышкой кофта. Но усилия оправдались – Устин капитан вывалился на край ямы.
– Уф-ф, – выдохнул он. – Хотел бы я знать, кто это на тропе вырыл такую яму?
– А ты огорода не видел, что ли? – Устя ударила прутиком по тёмному колу, к которому гибкими ветками были примотаны продольные жердины. С другого края ямы тоже шла такая ограда, исчезала в дебрях.
– Огорода? – прищурился Валик. – Для чего же городился этот огород, а?
– Чтоб звери шли в ловушку, – ответила она простосердечно и кивнула на яму.
– Какие звери? – у Валика от ярости булькнуло в горле.
– Сохатые. – Устя вынула из кофты булавку, начала выцарапывать из ладони занозу. – Изюбры.
– Это при запрете-то такие ямы? – вскрикнул Валик.
– У дедушки с сельпо договорённость полная, не беспокойся! – вспылила Устя, размахивая булавкой. – Вы же в городе и едите это мясо!
– А я что-то не припомню такого мяса! – Капитан достал записную книжку и нарисовал ловушку на плане. – Похоже, дед твой не такой уж передовой охотник. Посадить бы его самого в эту ямку на неделю да всех защитников его!
– Тебя не спросили!

– А может, ещё и спросят. На всякий случай, с тропы я эту штуку пока уберу!
Он спрятал книжку в карман, вынул из рюкзака топор и начал крушить огород. По тайге разнёсся треск. Валик разбил заплот шагов на тридцать в обе стороны. Стащил жерди и колья к ловушке. Плотно замостил яму жердями. Потом вынул из рюкзака кусок хлеба, отломил половину спутнице, навьючился и зашагал дальше.
Он ел хлеб, отмахиваясь от гнуса, и посматривал под ноги. Скорости не развивал. Устя сердито пыхтела в пяти шагах от него. Когда Валик рубил изгородь деда, она сдержалась из последних сил, чтобы не броситься на него. Как он смеет думать про деда Гордея так? Про деда Гордея никто в Завали не скажет плохо! Может быть, недозволенный это способ – ловушки, но лицензии на зверя деду всегда выдают. Просто он умнее других охотников и возобновил эти ловушки. Он говорил как-то, что так добывали зверя в старину. «Любая новина ни к чему, – заключал дед, – суеты да трат много, а толку мало: человек как был, так и останется – с одним началом и одним концом».
Устя пыталась возражать деду. Она вспоминала рассказы отца о том, что на месте Завали когда-нибудь тоже будет город. «Очень многое говорит в пользу развития этого края, – уверял её отец. – Во-первых, огромные запасы леса, во-вторых, энергия Ангары, в-третьих, полезные ископаемые, до которых геологи только-только добираются в этих районах... Следовательно, дочка, многое изменится в этом дремучем краю, а человек – в первую очередь, хочешь того – не хочешь».
«Для твоего отца уже ничего не изменится, царствие ему небесное! – отвечал дед. – А насчёт матери – простить себе не могу, что не отбил у неё охотку к городу. Ну, тебе-то уж, внученька, я не дам в суете затеряться».
«Да, мама совсем редко пишет, – вспомнила с горечью Устя. – Недолюбливает за что-то дедушку. И этот паря Колокольчик против него».
Она сильно обиделась на Валика, но поворачивать назад не собиралась. Решила шагать до конца, как бы «капитан» ни оскорблял их с дедом.

6

Утром следующего дня Валик залез на сосну, которая росла на каменной россыпи, увидел поверхность тайги и высоко над ней вершину Небожихи. Ветер колыхал верхушки деревьев, и над тайгой, казалось, ходили зёленые волны.
Валик взял азимут на островерхий голец. Сто двадцать три градуса. Они шли верно, хоть вчера потеряли время из-за ловушки, потом угодили в болотистую марь, вымокли по пояс и оборвались в цепком кустарнике. Устя до сих пор не могла залатать всех дырок на своих шароварах, хоть работала иглой на каждом привале. А ему некогда штопать.
Он взглянул влево, где далеко-далеко на краю плоскотины чернели струйки еловых зарослей. Это были распадки, по которым, возможно, продвигались геофизик Маков и Гордей Авдеевич. Теперь они должны были порядочно отстать, если ещё двигались к цели.
Валик заскользил вниз, перехватываясь за ветки, в одном месте куртка зацепилась за сучок, он рванул её – и спрыгнул на землю с новой дырой.
Устя укоризненно покачала головой.
– У тебя же нет запаса!
– Зато хорошо идём, – бодро ответил он. – Вечером будем у Небожихи чай пить! Но по пути смотреть в оба. Второй раз попасть в ловушку твоего деда не хочу.
Устя перекусила нитку, убрала иголку, вдела руки в лямки котомки и поднялась с валежины. Она, как всегда, выглядела опрятной. А у её капитана кеды были грязные, джинсы впору было сдавать на выставку художественной макулатуры, вельветовая куртка порвана, прожжена, вымазана в смоле, козырёк кепки поломан. Однако на худом обгорелом лице его преобладали бодрость и уверенность, как у капитана выигрывающей команды.
– Пока счёт в нашу пользу, – сказал Валик, отыскивая взглядом ориентир – сдвоенную лиственницу. – Мы их обставим, если они всё-таки двигают дальше.

– Не пришлось бы на помощь их звать, – предупредила Устя. – Что-то долгонько мы подбираемся к Небожихе.
Валик по-свойски подмигнул ей, указал непреклонным жестом вперёд. Каменная россыпь с ключиком, вытекающим из неё, была одиноким оконцем в глухом нагорье, укрытом от солнца кронами корабельных сосен. Было сумрачно и душно, как в подземелье. Звук шагов не проникал далеко. Из-под ног вылетали рябчики, с шумом разбегалась какие-то невидимые зверушки. А к вечеру они спугнули глухаря. Он черным комом вывернулся из багульника и полетел прямо на стену деревьев, гулко хлопая крыльями. Казалось, он расшибётся о сосны, но птица ловко обходила их.
– Что ж ты смотришь, капитан? – не выдержала Устя. – Нам варить нечего.
– Не могу ж я одной рукой азимут брать, другой охотиться, – буркнул Валик и заспешил дальше.
– Не видно гольца-то, – встревожилась Устя. – Ускользнёт от нас Небожиха, как этот глухарь.
Вместо ответа Валик согнулся, точно стараясь разглядеть голец, и быстрее заработал ногами. Он не замечал ни грибов, ни жарков, ни жимолости и очень удивился, когда Устя остановила его возле камней, среди которых была вода.
– Давай, хоть грибов сварим. – У неё был полный подол сыроежек, маслят и подосиновиков, а губы почернели от жимолости. – Что хорошего, если с голоду помрём?
Валик сглотнул слюну, нехотя согласился:
– Кипяти чай, я на дерево залезу...
Он долго искал подходящее дерево. Наконец увидел две сосны, стоящие впритирку друг к другу. Втиснулся между стволами и полез, упираясь в один ногами, в другой – спиной. Он долез до макушки и замер: островерхий голец почему-то оставался на прежнем месте, если не удалился. Протёр глаза, огляделся, навёл буссоль линией «юг-север» на Небожиху. Всё было в порядке. Ну, на пять градусов сместились, не больше. Почему же этот чёртов скальный палец не приблизился?!
Валик съехал вниз, сдирая шелуху со ствола, сел у костра, обхватил колени и задумался.
– Попьём чайку, и всё устроится, капитан! – Устя бросила в клокочущую воду смородиновые листы.
– Скоро голец? – спросила она, с явкой нарочитостью упуская «Небожиха».
– Скоро, скоро, – хрипуче ответил Валик. – Если бы ты не отвлекалась на обеды, пришли бы уж...
– При доброй еде не дрогнешь в беде, – сказала она и подвинула ему сухари на тряпице. – Ешь, капитан!
Валик не заставил себя упрашивать – набил рот сухарём, размоченным в пахучем кипятке. Он подумал, что в самом деле не стоит вдаваться в панику прежде времени. Запаниковавшая команда всегда проигрывает.
– Уклонились мы немного, – сказал он, не теряя достоинства. – Карты не хватает нам... Да доберёмся, думаю.
– В таком разе, пойдём.
Они затушили костёр и опять вскинули свои полупустые котомки на плечи.
На этот раз Валик не выпускал из руки буссоль. Но стрелку лихорадило, клонило вниз северным концом, и он порой едва сдерживал себя, чтобы не стукнуть прибор о дерево. Ноги проваливались в мшаные тайнички с водой, спотыкались о валежник, напарывались на сучки. Но он сосредоточивал взгляд только на азимутной линии, продолжал её мысленно, просверливая зелёную плоть тайги. Линия эта была гибкая. Какие бы преграды ни отклоняли тебя с пути, она должна подвести к намеченной цели. Так учил его отец в тайге, когда приспосабливал к маршрутной работе, натаскивал ориентироваться на местности и ходить по компасу. Валик доверял буссоли, но чёртов голец не показывался. Уже солнце, наверно, шло к закату, но капитан продолжал ломиться сквозь кусты. Его остановил выводок рябчиков, который рассыпался по деревьям.
Рябчиха кинулась к людям, припадая на крыло. Она сделала полукруг и кинулась в сторону от

своих рябчат. Валик бросился за ней, споткнулся о корень и растянулся. Ружьё отлетело в сторону.
Он услышал хохоток Усти. Потом увидел, как она берёт ружьё и целится. Рябчата расселись по нижним веткам сосен и посматривали с любопытством.
– Они же ещё маленькие, – пролепетал Валик. – Они жить хотят.
– А нам помирать с голоду?!
Выстрел сбил сразу двух птиц. Остальные продолжали сидеть, будто оглушённые выстрелом. Устя протянула руку, Валик кинул ей патрон. Она перезарядила ружьё, переместилась немного, ударила второй раз. Дробь слизнула ещё трёх птиц. Устя снова протянула руку, обалдевший от звона в ушах капитан опять бросил ей патрон. Но три последних рябчика не стали дожидаться конца, полетели к матери, посвистывающей где-то в кустах.
– Славная выйдет похлёбка! – Устя собрала рябчат в пучок и потрясла ими. – Рябец в тайге – беда и выручка, взлетает – пугает, а сел – на вертел!
Валик сбросил рюкзак у лывы, по зеркальной глади которой скользили водомеры, Устя принялась ощипывать мелкие пёрышки рябчишек.
– Разводи костёр, капитан, – предложила она с чуть уловимой иронией.
– У капитана и заботы капитанские, – одёрнул он зарвавшуюся девчонку и пошёл искать дерево, на которое можно было бы забраться.
Красная полоска от заката быстро перемещалась вверх по стволам, и Валик полез на первое попавшее дерево. Обхватив гладкий ствол руками, ногами, стал подниматься способом гусеницы. Кожица коры шелушилась, скользила, и он с трудом продвигался вверх. Дрожали руки и ноги, когда добрался до нижней ветки. Передохнув, снова полез. На середине дерева огляделся. Однако на фоне неба вырисовывались лишь ветки сосен.
Сердце защемило от нехорошего предчувствия. Но он успокоил себя, что мал ещё сектор обзора, что надо забраться на самый верх, тогда и выводы делать. Следующая ветка была высоко, пришлось встать на цыпочки. Схватив её, как перекладину, начал подтягиваться. Ветка хрупнула, и он полетел с нею в дым, стелющийся по земле от костра.
– Валька-а-а! – вскрикнула Устя.
Валик ударился боком так, что захватило дыхание. Он закрыл глаза, скорчился от боли, стиснул зубы, чтобы не зареветь.
«Разведчикам в испытаниях на выживаемость трудней бывает! – заклинал он себя, и боль как будто начала стихать. – Держаться надо! Парень ты или слюнтяй?»
Он слышал, как всполошилась Устя, ощутил, как она отвернула ему куртку, ковбойку и майку, легонько ощупала рёбра влажными пальцами, приложила к ним какие-то листья и помогла перебраться к костру, на шкуру.
– Ничего, ничего – к утру пройдёт, паря Колокольчик, – бормотала она успокоительно. – Тебе повезло. Упал на мох. Вставай. Надо ближе к огню. Я помогу...
Валик лежал на шкуре под меховым одеялом и вдыхал смоляной запах дыма, грибной похлёбки с рябчиками и холодеющей тайги. Боль проходила, но он боялся встать. Устя могла спросить его про Небожиху. А он не знал теперь, где чёртов голец и дойдут ли они вообще когда-нибудь до него... Нет, пока рано паниковать. Назад всегда не поздно отступить. Надо прорываться вперёд, даже если шансы на победу падают. Мысли нельзя допускать о поражении – сразу опустятся руки, откажут ноги. Нет, держаться! Не подавать виду, что растерялся. Да только как выйти к этой неуловимой Небожихе?!
– Поешь, капитан, – прервал его мысли голос Усти.
Она поставила перед ним котелок с дымящейся похлёбкой. Он с благодарностью подумал, что на Устю можно положиться, как на истинного товарища. Кто его знает, один он давно, может, повернул бы назад. Во всяком случае, сейчас бы у него не было этой вкусной похлёбки!..

7

Утром капитан почувствовал себя вполне нормально. На дерево не полез, понял, что это

бесполезная трата сил. К тому же над тайгой висели комковатые тучи, которые цеплялись за верхушки сосен, обещая близкий дождь. Несмотря на все невзгоды, Валик решил поскорее уйти с табора. Он снова верил, что Небожиха близко, стоит только ускорить ход.
Они попили чаю и собрали свои котомки. Валик достал истощавший тюбик «Тайги», вздохнул и сделал вид, что давит на ладонь мазь. После этого отдал тюбик Усте. Та взвесила сморщенный сосудик на ладони, пристально оглядела капитана и тоже сделала вид, что мажется.
Валик внимательно осмотрел буссоль. Она казалась вполне исправной. Стрелка игриво вертелась под стеклом. Капитан успокоил её плавными прикосновениями к стеклу и махнул рукой по линии выбранного азимута.
Они бросились штурмовать тайгу, задыхаясь от напряжения. Воздух тяжелел, насыщался запахом прели и багульника. Их сопровождали полчища разного гнуса. Валик устал стирать этих кровопийц с вытянутой руки, в которой на ладони лежала буссоль. Он терпеливо переносил укусы, думая, что хоть Устю эта нечисть не трогает.
А она в свою очередь радовалась, что перехитрила своего капитана. Она-то испытанная таёжница, перетерпит. А у капитана только и осталось, что кожа да кости. Что будет с ним дальше? Неизвестно, сколько придётся ещё идти. Что-то уж больно нервничает Колокольчик, прикусывает губы и беспрерывно трясёт компас...
Устя с тревогой слушала помрачневшую тайгу. Кедровки кричали хриплыми голосами, бурундуки булькали, будто в горле у них была вода, кричал чёрный дятел-желна.
– Дождь будет, – сказала Устя. – Шалашик бы сладить.
– Не сахарные, – буркнул Валик. Он не хотел останавливаться, боялся потерять уверенность, а вместе с ней и силы. Но на подъём не было намёка, плоскогорье было ровно, как стол.
Внезапно Валик остановился. Устя решила, что он увидел голец или ещё что-то – так резко осадил себя капитан. Она сделала несколько шагов и замерла: Велик стоял перед лывой, по которой скользили водомеры и плавали перья ощипанных рябчат.
– Наша стоянка?! – вскрикнула Устя.
Валик спустился на колени, поднял головёшку, словно не веря, что это их табор.
– Чёртов круг! – наконец сказал Валик, обвёл пальцем пятно выжженной земли и вдруг замолотил в него кулаками. – Что же это такое? Кто нас водит, Устя? Нас околдовали?..
И словно в ответ, над их головами треснуло небо. Огненное дерево выросло над тайгой. Ветви его подпирали тучи. Но тут же раздался новый треск, и на смену дереву явилась молния в виде змеи.
Валик вскочил, заметался от сосны к сосне. Он встал под то дерево, откуда свалился вчера. Но Устя поймала его за руку и потащила к ёлке с другой стороны лывы. Ель напоминала шалаш.
– Тут безопасней, – объяснила Устя. – Под сосной молнией может шарахнуть.
Они влезли под широкие лапы дерева, затаились. От сотрясающих громов сухие иголки сыпались за шиворот. Потом застучали холодные капли. Но ель все-таки хорошо укрывала от дождя. Она очень походила на наседку, распушившую крылья над цыплятами. Плети дождя выхлёстывали лыву, молнии плясали под дикий хохот грома. Где-то недалеко вонзались в землю молнии, будто специально искали это место.
– Свят, свят! – вышёптывали побелевшие губы Усти. – К худу или к добру?..
«Добру-у-у!» – издевался над ними гром.
Валик вдруг зашевелился, сбрасывая на себя воду с веток, и размахнулся ружьём.
– Ты чего? – спросила Устя.
– Молнии к железу притягиваются, – шёпотом ответил дрожащий капитан.
Устя поймала ружье и прижала его к себе.
– Не дам! – выкрикнула она. – Без ружья совсем пропадём.
И тут на поляне мелькнуло рыжее пятно – из тайги на чёрную плешину кострища выскочила коза. За матерью скакал козлёнок. Тонкие его ножки подрагивали. Появление коз отвлекло путников от своих бед.
– Не блудят в этой тайге, – сказал Валик прыгающими губами, кивнув на коз. – Позавидуешь...

– Ничего... и мы как-нибудь выберемся, – успокоила его Устя, тоже вздрагивая после каждого удара грома.
Над самой их ёлкой взорвалось небо. Оба они оглохли и приткнулись друг к другу, закрыв глаза.
Когда Валик с усилием разлепил веки, он увидел в расширенных ужасом глазах Усти отблески огня. Пылала расщепленная сосна, та самая, с которой он свалился и под которой хотел спрятаться от дождя.
– Дождь, а она горит, – простучал он зубами. – Как в сказке.
Сосна пылала, с треском рассыпая огненные иглы. Дождь светился вокруг этого смоляного факела. Казалось, с неба льётся керосин, а не вода. Внизу зачадили кусты и мох. Дождь пошёл вдруг на убыль, и пламя выпрыгнуло в нескольких местах сразу.
– Скорей! – Устя рванулась из-под ели, сломала большую ветку ольхи и кинулась к огню. – Затушить, а то тайга загорится!
Капитан повиновался, вырвал с корнем какой-то куст и устремился к огню.
Устя прыгала вокруг пылающей сосны и захлёстывала веткой огонь, расползающийся во все стороны. Валик секунду дивился, как хорошо горит сырой кустарник и мох, а потом прыгнул в горящий круг и начал затаптывать огонь.
Скоро подмётки кед накалились. Запахло палёной резиной. От мокрой одежды повалил едкий пар. Но огонь отступал назад, к сосне. Огромный факел, потрескивая, затухал. Пламя, ободрав с дерева хвою и кору, дотлевало на мокрых ветвях, роняя искры в чёрный дымящийся круг...
Они молотили по языкам пламени до головокружения, тошноты и слепоты. Они выбились из сил. Но отступил куда-то страх. Притупилось ощущение безысходности. Такое бывает, как слышал Валик от своего деда, на фронте после победной атаки.
Смертельно усталые, но успокоенные, они устроили постель и сразу уснули.

8

Утром их разбудил терпкий запах гари, нудный писк комаров и блеск голубого неба. Они разом вскочили из-под одеяла, огляделись. Сосна перестала гореть. Чёрный её остов резко бил в глаза на фоне стволов, листьев и неба. Но мох продолжал тлеть. Чахлые струйки дыма выкручивались из рыхлой глубины.
Но теперь загасить мох не представляло труда. Валик топтал, а Устя поливала водой. Затушив мох, они разожгли костёр, вскипятили чай.
После завтрака Валик опять занялся буссолью. Он нацелил стрелку на 123–303 гралусов, отметил рукой направление линии «север-юг», и повернулся лицом, как ему казалось, к Ангаре.
– Надо попробовать назад... – пояснил он, не поднимая глаз на Устю. – К исходному рубежу попытаться выйти, а потом подумать.
– Нет, – Устя медленно прожёвывала смоченный чаем сухарь. – В таком разе, надо не пятиться, а идти вперёд. Вперёд идти, товарищ капитан!
– Крутится как бешеная. Как её остановить? – с досадой сказал Валик, протягивая прибор с разыгравшейся стрелкой Усте. – Чертовщина и только!
Устя усмехнулась, глядя на обескураженного капитана и замечая, что у него как-то странно бегают глаза и кривится рот. Она спрятала буссоль в котомку, попросила подсадить её на дерево.
Устя выбрала подходящую сучковатую сосну и вскарабкалась на первую ветку с плеча Валика. На него сыпались хвоинки, клочки лишайника и кусочки окаменевшей смолки.
– На макушку не лезь – сорвёшься, – пытался командовать он.
Но Устя, уже не обращая внимания на его слова, забралась на самый верх, и макушка под ней угрожающе заскрипела.
– Ты слышишь меня? А ну, слазь, говорю! Разобьёшься ведь! – Валик бегал вокруг сосны, беспомощно вскидывая руки.

Устя окинула взглядом тайгу. Остроугольная чёрная верхушка Небожихи поблёскивала на солнце. До неё было не так уж и далеко. Устя стала примечать, как будет располагаться солнце, если идти прямо к гольцу. Она представила это, запомнила на весь предполагаемый путь, спустилась до нижней ветки, там съехала прямо в руки Валика.

Он подхватил её и держал, словно собрался нести по тайге. Его холодный нос упирался в её щёку. Валик близко увидел накусы мошек и волдыри на её губах, щеках и даже веках. Может, кому-то Устя сейчас бы показалась и некрасивой, а Валику захотелось вдруг назвать её самыми тёплыми словами. Но вместо этого вырвался какой-то лепет.

– Устя, ты меня пойми правильно: мы прорвались далеко, но получили подножку, а это запрещённый приём, и теперь следует начать все сначала усиленным отрядом, думаю, отец возьмёт и тебя, я уговорю его, вот увидишь.

– Пусти, – строго сказала она. – А то своё направление потеряю.

Он смущённо опустил её на землю, протянул раздавленный тюбик «Тайги». Устя пыталась опять перехитрить его, но не удалось. Валик сам выдавил ей на ладонь каплю мази. Она, не сводя взгляда с какой-то далёкой хвоинки, смазала лицо, и оно стало белым, спокойным и холодным, словно у снегурочки.

– Теперь пойдём на мой лад... По-нашему, по-простому, по-охотничьи... – произнесла она шёпотом.

Валик двинулся за ней, продолжая вслушиваться:

– Хоромина свята, свето-духом заперта. Сам Хозяин печать приложил...

Валик горько подумал, что в другое время посмеялся бы как следует, передразнил бы, а теперь невольно сам повторяет эти бессмысленные, хоть и красивые слова: «Таёжным ключом двери замкнуты... Откройся, тропочка-дорожка, чистым помыслам да добрым промыслам...»

Эти слова липли смолой, и отвлечься от них было невозможно. А Устя всё бормотала и бормотала вполголоса, как заведённая, поглядывая на солнце. Валику стало казаться, будто они вновь идут по кругу, и он заозирался, как загнанный зверёк. Он лихорадочно рылся в памяти, подозревая, что видел уже эту гнилую колоду. Ему казалось, что они проходили по этой полянке, сплошь заросшей кустиками черники, и сосну встречали с усохшими нижними ветками, и бурундук на валежине представился знакомым: это он вчера накликал грозу!

– Устя! – вскрикнул испуганно Валик. – Опять! Похоже...

– Что? – обернулась она, сурово сжав губы. – Что похоже?

– Выворотень тот же, по-моему, – тусклым голосом сообщил Валик.

– Тебе мерещится, – сурово сказала Устя и присела на корневище. – Давай отдохнём.

Валик упал на мох, не снимая рюкзака. Зарылся лицом в зелёную массу, чтоб не ела мошкара. Но панические мысли продолжали буравить изнутри: «Заблудились!.. Пропадём... Надо поворачивать назад... Выбьемся из сил, тогда будет поздно... Почему слушаюсь эту девчонку?..»

– Устя! – выдавил он хрипло. – Ты убедилась, что дело тут тёмное...

– Тайга у нас густая – вон солнце, и то еле пробивается, – ответила Устя.

– Нам надо к Ангаре пробиваться!

– Быстро же ты сдался, капитан.

Валик зарыл подбородок глубже в мох, вдыхая грибной освежающий запах. «Вот связался с настырной девчонкой, – думал он. – На Витьку Брынзу давно бы хватило приключений, чтобы взахлёб потом лет пять рассказывать, как отличился в Заангарской тайге. Но эта колючка будто вышла из дому на прогулку. От стола прямо, где были оладьи со сливками!»

Он мучительно сглотнул слюну и сказал:

– А от голода мы не загнёмся?

– Сам же равнялся на разведчиков, которых испытывают по-всякому! – Устя вскочила, громыхнув котелком в котомке, рванулась в сторону солнца.

– Ладно, покружим ещё, – процедил Валик. – Только не зови меня больше капитаном.

– Хорошо, паря Колокольчик.

– Лучше так.

Он через силу поднялся и побрёл за Устей, устало глядя под ноги. Ему хотелось найти теперь лишь их собственные следы и доказать ей, что они ходят по кругу. И тогда свалиться под деревом, закрыть глаза и забыться. Потом стать снова во главе команды и попытаться вырваться из этого в самом деле заколдованного круга. Лучше всего идти ночью по звёздам...
Он поднял глаза к небу и обомлел. Над буйными кронами сосен вздымался скалистый столб. Точь-в-точь как эвенкийский чум, виденный на Алдане. Голец было видно с земли. Значит, он рядом, вот за этими деревьями или за теми... Всё равно близко Небожиха!
Валик побежал к гольцу. Он орал что-то дикое, точно выиграл такую игру, когда надежды на выигрыш не было никакой. Под ногами загремела щебёнка, больно впиваясь в подошвы острыми гранями, но Валик не сбавлял ходу.
– Валик, стой! – вдруг закричала Устя. – Остановись, Валька! Посмотри, что здесь!
Но теперь он не слушал её. Голец был рядом, и воспрянувший духом капитан думал первым забраться на Небожиху, оглядеться и закричать оттуда благим матом: «Конец маршрута-а-а».
– Стой, говорю! – сердито повторила Устя.
Он споткнулся о глыбу, ойкнул и вынужден был сесть на камень.
– Видишь, паря Колокольчик!
Устя держала на весу какую-то изогнутую ржавую железяку.
– Ну, ты чего затормозила? – прикрикнул на неё Валик, возвращая голосу капитанские нотки.
– Из-за какой-то железки?!
– Подкова! – сказала Устя и кинула железку к его ногам. – Соображаешь, что она может значить?
Валик положил ружье, поднял изъеденное ржавчиной железо, взвесил на руке, вдруг закричал во все горло:
– Да это же отряд! Я говорил тебе. Не верила. Явно – след отряда. Удача! Надо искать. Молодец ты, хвалю!..
Валик заметался по камням, рискуя сломать себе ногу. Он нагибался, рылся в россыпи, но пыл его быстро угасал. Наконец, он махнул рукой и опустился на свой камень.
– Все равно находочка ещё та! – выдохнул он, ласково стирая ржавчину кепкой.
– Ни о чём не говорит эта подковка, – прозвучал отрезвляющий голос Усти. – Мало ли чья лошадка могла потерять.
– Проведём анализы, экспертизу, покажем специалистам, – упорствовал Валик. – Зацепка есть! Если ещё добавить пробы по обратному маршруту, мы, считай, выиграли!
– Если даже подкова того отряда, – рассуждала Устя, – без других находок это – нуль.
– Как нуль?
Валик вдруг почуял чей-то тяжёлый пронизывающий взгляд и крутнулся волчком.
Из веток старой ели на них глядела косматая морда! Нос хмуро морщился, а глаза краснели, отражая вечернее алое солнце. «Хозяин!» – ударило в голову, как обухом.
В глазах Усти ширились зрачки: она тоже увидела жуткую образину и вздрогнула, но нашла силы шепнуть: «Медведь».
И тогда Валик вспомнил про ружьё. Он непослушными руками поднял его, начал целиться.
– Не стреляй – дробь! – Устя подтолкнула ствол вверх.
Но Валик успел дёрнуть спусковой крючок.
Дробь, гонимая огненным снопом, защёлкала в ветвях ели. У морды открылась пасть, сверкнули зубы, и рёв всколыхнул космы лишаев. Морда рванулась вверх – за ней показалась широкая грудь, лапы с когтями.
Валик выронил ружьё, прикрылся руками и побежал изо всех сил. Кусты мелькали перед глазами, деревья проносились мимо, пока корень, змеящийся в ягоднике, не свалил его с ног.
– А-а-а! – Валик вцепился руками в кустарник и заревел. Он слышал хруст веток и голос подбегавшей Усти, но остановить воя не мог.
Устя опустилась рядом, подсунула под голову рюкзак, положила руку на дёргающееся плечо и заговорила:
– Медведь это был, медвежонок даже. Он убежал, тоже испугался. Сейчас они мирные. Это в

лишайниках такой косматый казался, мишка. А так они сейчас на людей не бросаются. Только стрелять не надо по ним. Да дробью... Я сперва напугалась жутко как...
Валик стиснул зубы. От обиды, что струсил, убежал. Струсил. Позор! «Как теперь ей в глаза поглядеть? Да хоть бы ругала, а то утешает!».
Но Устя вдруг смолкла.
Валик приоткрыл глаз, увидел, что Устя подставила ухо под ветерок и к чему-то прислушивается.
– А это – не знаю кто, – прошептала она. – Слышишь, кричит!
Валик пересилил себя, приподнялся. Верхушки деревьев алели под лучами заходящего солнца. Оттуда, от заката солнца, неслись вопли:
– У-у-у-а-а-а!..
Устя сжалась.
– Медведь так не ревёт... Свят, свят...
– Всё. Больше я не струшу! – воскликнул Валик, вскакивая. – Вперёд!
Капитан уже понял, что лучшего случая восстановить свой авторитет может и не представиться. Идти надо наперекор всему. Даже если их подманивает своим криком сам Хозяин. Неужто он не боится ничего, этот подозрительный дух тайги? Даже пули?! «Нет, шалишь, – решил Валик, – если ты охраняешь что-нибудь, то у тебя есть нервы, ты должен пули бояться! Он зарядил ружьё пулей.
– Не ходи, – робко попросила Устя. – Я одна боюсь.
– Разожги костёр, чтобы я видел тебя, – сказал он хриплым голосом и шагнул навстречу сумрачным соснам и елям.
Устя не послушалась, догнала его, вцепилась в рукав.
– Я с тобой. Погибать, так вместе!
– Я сумею отмахнуться, – бодрее отозвался Валик, – за тебя и за себя.
Он шёл, выставив вперёд дедово ружьё двенадцатого калибра. Двигался, как слепой, ничего не различая перед собой. Слышал только странный, протяжный, хриплый вой. Замирал, когда вой прекращался, вздрагивал, когда возобновлялся. Легче бы стало, нажми он спусковой крючок, чтобы раздался выстрел и пуля пронеслась в темноту, сшибая ветки. Однако он понимал, что действовать надо наверняка – пуля всего одна!
Валик и Устя сближались с голосом, и можно было уже понять, что кричит человек, только сипло, нутряно, как из колодца. Они передвигались все более короткими шагами. Валик начал снова умудрённо прикидывать, что лучше всего было бы совсем не встречаться с тем, кто кричал. Ведь он мог заманить их в ловушку! Но Устя шла следом, отступать было нельзя...
– А-у... – жалобно выл человек, который как будто заблудился в тайге, кричал много дней подряд и уже потерял надежду на помощь.
Голос привёл их на полянку с темным пятном кустарника посредине, из которого как будто рвался вопль. Валик беспомощно оглянулся на Устю. Та невольно поёжилась, но шагнула вперёд, крикнула или пропищала от страха:
– Кто тут?
Вопль оборвался. Стало тихо. Затем послышалось совсем человеческое:
– Помогите.
– А вы кто? – спросила Устя с дрожью.
– Человек. Попал в беду.
– А где ты, если человек? – грозно спросил Валик.
– Тут! – закачались ветки, будто зазвонили серебристые листья. Что-то упало на поляну. – В яме.
Устя подошла к кусту, нагнулась над выброшенным предметом. Это была кепка. Валик не очень уверенно подступил к ней, заглянул через кусты, увидел чёрный провал ямы.
– Что вы раздумываете? – раздался злой голос из этого провала. – Подайте верёвку или палку.
– Опять ловушка! – воскликнул Валик. – Да какая!
Он сходил к рюкзаку, принёс обрывок бечёвки, опустил конец в ловушку,

– Держи! – крикнул, пытаясь разглядеть того, кто копошился на дне.
– Тяни! – радостно приказал голос. – Только осторожней!
Груз оказался лёгким. К бечеве был привязан ящик в твёрдом брезентовом чехле и тренога. Валик отвязал груз, шепнул Усте:
– Это Маков. Его прибор, только голос изменился.
Устя в ответ показала кепку из ворсистой ткани.
– Да уж знаю. Его кепка-то. Куда он дел дедушку? – вдруг вскрикнула глухо Устя.
– Думаю, на его совести, – проговорил Валик невнятно.
– Эй! – позвал пленник. – Что вы там чешетесь? Продрог я к чертям собачьим.
– Может, оставить его там до утра? – предложила Устя.
– Врагу не пожелаю сидеть в такой яме, – пробормотал Валик. – Бери ружьё – не спускай с мушки этого типа.
Он снова опустил бечеву в яму. Пленник крикнул: «Держи крепче!» – и заскрёб ногами. Валик откинулся назад, напрягся до предела, закусив губу. Он чувствовал, что вот-вот выпустит верёвку или улетит вместе с ней в яму, но тут за бечеву схватилась Устя.
Маков вылез, лёг грудью на землю, но тут же вскочил, что-то просипел и кинулся по звериной тропе.
Валик вырвал ружьё из рук растерявшейся Усти и закричал:
– Стой!
– Одну секунду! Рюкзак возьму.
Валик было двинулся за ним, но, пройдя несколько шагов, остановился в нерешительности. Ощутил, как ходуном ходит сердце, – нет, в человека ему ни за что не выстрелить, даже если он шпион, диверсант или кто-то в этом роде. Однако Маков тут же вернулся, неся в руках свой рюкзак.
– Руки вверх! – приказал Валик, выпячивая губы для устрашения.
– Это ещё что за цирк? – усталым, севшим голосом спросил Маков.
– Стоять на месте! – повторил Валик, наводя ружье прямо в бугристую грудь геофизика.
– Не могу ослушаться моих спасителей, – ответил Маков, и вспухшие сухие губы дёрнулись от улыбки. – Но позвольте поинтересоваться, как вы сюда попали? И отчего так странно себя ведёте?
– Как будто вы не знаете, – хмуро обронила Устя, сбитая с толку мирным поведением этого человека.
– Представьте, не могу понять... В такую глушь? – Он поскрёб щетину пятерней. – Неужели доигрались и заблудились?
– Допустим, играли, только зачем вы нашего Майора убили? – спросила Устя, все больше теряясь в догадках.
– Никого я не убивал, ребятки, ни майора, ни солдата, – добродушно ответил Маков. – И вообще, я за мир, за дружбу, за взаимопонимание. – Он двинулся к Валику. – Если играете в заколдованный круг, считайте, что игра ваша стоит свеч.
– Стой, говорят! – Валик тряхнул ружьём.
– Стою, – ответил Маков, – только учтите, могу упасть с голода. И нога у меня болит... Неудачно свалился в этот шурф. Хотя если посмотреть, что я там нашёл...
– А мы вот что нашли! – Валик выдернул из ножен финку и показал Макову рукоятку. Узнаете?
– Мой нож! – воскликнул Маков, протягивая руку к финке. – Нашли? А я на старика грешил! – Он вдруг нахмурился. – А вы, друзья, не того, не спёрли ножичек у меня?
Валик, держа ружье в одной руке, другой сунул финку в ножны, сурово ответил:
– Не выкручивайтесь! Лучше сразу признайтесь в своих намерениях!
– Не понимаю, – пробормотал Маков, – в каких намерениях?
– Где мой дедушка? – крикнула Устя, порывисто шагнув к нему.
– Так это вы, Устя? – протянул Маков насмешливо. – В самом деле какое-то заколдованное место... Голова идёт кругом!

– Вы не увиливайте от наших вопросов! – качнул ружьём Валик. – Теперь мы поняли, кто тут самый главный колдун! Не отвертитесь! Лучше рассказывайте все по порядку! Как в яме оказались? Куда деда Гордея девали?..
– Деда Гордея рассчитал как не справившегося со своими обязанностями, – ответил Маков, скаля свои ровные зубы. – Оставил старичка в целости и сохранности в его зимовьюшке на Каверге. Сам же оказался на дне ямы по рассеянности...
– По рассеянности? – сощурился Валик. – Так мы и поверили!
– Что же такого я сделал, чтобы не верить мне? – удивился Маков. – Устя вот меня знает в какой-то мере. Документы могу показать.
– Документы любые подделать можно, – парировал Валик. – У любого шпиона паспорт лучше настоящего – в любой книжке прочтёте.
– У шпиона? – ахнул Маков.
– За что вы дедушку прогнали? – всхлипнула Устя.
– Может, так прогнал, что уже не догнать, – ответил за Макова Валик. – В тайге попробуй сыскать!
– Ну, мне надоел этот цирк. Видел фантастов, сам фантазёр, но таких чудаков встречаю впервые! – Маков как-то незаметно перехватил ружьё, легонько повернул – Валик оказался позорно обезоруженным.
– Отдайте, хуже будет! – отчаянно крикнул он. – Нас... мой отец... на вертолёте прилетит... Отдайте!
– Завтра, – спокойно пообещал Маков, – когда блажь пройдёт.
Геофизик подошёл к сосне и повесил ружьё на высокий сучок. Потом начал растирать свою ногу, на которую припадал во время ходьбы.
Устя продолжала всхлипывать неизвестно по какому поводу. Может быть, просто от обиды и растерянности.
– Ничего, Устя, мы... Подумаешь, силач нашёлся, – пробормотал опозоренный капитан утешительно. Он обессиленно сел под кусты, ощущая в себе полнейшую пустоту, вакуум.
Но этот геофизик, видимо, не мог переносить девичьего плача. Он разогнулся, подошёл к Усте, нежно коснулся ладонью её щеки.
– Не плачь, – сказал отеческим голосом. – Я сутки в яме просидел, стукнулся так, что еле отдышался, и то ни разу не заплакал... Давай-ка лучше костёр разводить, чай кипятить, а потом объясняться. Так вот, девочки и мальчики.
Валик, за неимением другого выхода, нашёл предложение дельным. Он поднялся, на ощупь начал собирать сухие сучья, затем сгрёб их в кучку, поджёг с одной спички. Лепесток пламени вырвался вверх, охватил всю кучку, затрещал весело. Маков подвёл Устю к костру.
– В добрый час все-таки принесло вас сюда, ребятишки, – сказал он, – так вы мне помогли – по гроб жизни благодарить буду.
– Не стоит, – буркнул Валик. – И не думайте, что осилили... С вас ещё спросят про все...
– Отчитаюсь, – протянул Маков, и на его лбу пролегли морщины. – От моего отчёта кое-кому не поздоровится, это уж точно!
– За что вы убили нашу собаку? – снова подсек Валик.
– Клянусь – не убивал я никакую собаку, – ответил Маков. – Сам чуть не убился – это да... – Он загляделся в костёр, поскрёбывая золотистую щетину на подбородке. – А не мой ли проводник моим ножичком вашу собачку прикончил, чтоб отогнать вас подальше, а потом тяпнул мою буссоль, чтобы я ушёл отсюда, не наткнувшись на его браконьерские ловушки?
– Вашу буссоль дедушка не брал! – вскрикнула Устя. Она метнулась к своей котомке и через минуту вернулась с прибором. – Валик её у вас стянул в отместку за Майора. Вот!
Маков схватил прибор, поглаживая его, уставился на стрелку.
– Выходит, я напрасно грешил на Гордея Авдеича? – Маков виновато поднял припухлые веки на Устю. – Вы мне подстроили все! – Он тяжело посмотрел в упор на её спутника и заявил: – Играючи, чуть не погубили меня самого и клад, которому цены нет!
– Значит, нашли? – вскрикнул Валик и прикусил язык.

– Нашёл, – кивнул Маков и не смог удержать радостной улыбки. – Как говорится, нет худа без добра. – Он полез в оттопыренный карман потёртых брюк, достал чёрный камень. – Вот. И нашёл я в ловушке, что искал... Готов теперь простить вас, только с условием, что поработаете на меня денёк.
Валик недоуменно взял камень. Обломок был очень тяжёлый, в углублениях краснела глина. Он скривил губы:
– Простой камень!
– Э-э, друг! – Маков взял у него камень. – Этот образец для меня дороже всякого золота... Смотри! – Он поднёс камень к стеклу буссоли, повертел его.
Стрелка закрутилась пропеллером.
– Чистый магнетит! – воскликнул Маков. – И тут его у нас под ногами, может, миллионы тонн. Это помогло мне открыть и ряд случайностей....
Валик тупо глядел на ботинок геофизика.
– У нас под ногами? – переспросил он, невольно пристукнув ногой.
– Да, в этой тайге! – отозвался Маков. – Аномалия, но такая вялая, замаскированная, своеобразная, что ни один прибор с самолёта не мог засечь! Аномалия над трубкой взрыва под чехлом рыхлых отложений.
– Трубка под чехлом! – вдруг заорал Валик. – Устя, слышишь! Устя, заколдованный круг!.. Вот как Заколдовано Нагорье... Хозяин!.. Вот дундук! Кружковец, капитан!
Устя тоже засмеялась. Смех летел наперегонки. Они смеялись до тех пор, пока обеспокоенный Маков не схватил обоих за плечи да не тряхнул как следует. После этого Валик и Устя наперебой стали вспоминать всё, что произошло с ними на этом Заколдованном Нагорье.
– Тоже будет в чём отчитаться перед отцом, – сделал вывод Валик. – Беда, что он не по железу... И меня не мог навести на эту магнитную ловушку!
– Мог ли мой дедушка знать про какую-то магнитную трубку? – огорчённо заметила Устя.
– Про отряд-то знал, – бросил Валик. Он подтянул рюкзак и вынул из него подкову. – Улики, как видишь, прибавляются... против твоего деда.
– Да, он что-то уж слишком противился всякому вторжению в свои угодья, – добавил Маков.
– Верно, ловушечки стережёт.
– А может, и ещё кое-что, – Валик подбросил в руке подкову. – Отряд-то шёл с грузом...
– И надо же было найти мне здесь эту несчастную железку! – выдавила Устя.
Маков взял подкову, повертел перед огнём, покрутил головой.
– Подкова – на счастье. А с той легендой про отряд в заколдованном круге всё решится само собой. Начнём здесь планомерно геологическую съёмку – каждый оброненный гвоздик отыщем.
– Боюсь, тут почище гвоздика вещи найдутся, – не отступался Валик. – Ещё в Иркутске я чуял: нечистое здесь дело.
– Кому что, а шелудивому – баня! – зло проронила Устя.
– Не ссорьтесь, племя молодое! – прикрикнул Маков. – Главное – магнитная труба, остальное – романтическая шелуха!
– Не романтическая, а драматическая, – не унимался Валик.
– Не будем уточнять на голодный желудок, – предложил Маков. – Давайте-ка лучше сварганим какой-нибудь ужин.
Устя развязала свою котомку, загремела котелком.
– Я знаю, где здесь вода, – сказал Маков. – Там я ночевал. Мой табор мог бы стать последним...

9

«Племя молодое» разбудили выстрелы. Ошарашенный Валик выскочил из-под одеяла, протёр глаза. Но и после этого ничего не увидел, кроме деревьев с туманными космами. Куда ушёл геофизик в такую рань? Кто стрелял? Подозрения и страх вновь навалились на капитана.
Он заметался по росной полянке. И натолкнулся на Макова, который, прихрамывая, вышел из

кустов с большим глухарём в руке. Пух на голове чёрной до блеска птицы взъерошился от росы, на кончике клюва висела розовая капля. У Олега Макова за плечами висели ящики с прибором и тренога. Увидев взбудораженного мальчишку, Маков улыбнулся.
– Пошёл взять контрольный отсчт, а этот красавец сидит над самой точкой!..
– А я решил было, что снова вмешалось колдовство, – смущённо пробормотал Валик.
– Нет уж. Теперь мы сами колдовать будем. Подкрепимся и начнём!
Маков протянул глухаря Валику.
– Перья переливаются, как шерсть на нашем Майоре, – вырвалось у капитана.
Маков почесал щетину, брови его встрепенулись, как ерши на крючках.
– Мы найдём и того, кто убил вашу собаку, – пообещал геофизик, медленно двигаясь к костру, который разжигала Устя. – Теперь у нас должна пойти поисковая масть – такое поверье есть у полевиков. Преодолели столько, что хватило бы на иную партию...
Геофизик сбросил треногу, поставил ящик у костра, сел на него и вынул измятую пачку сигарет. Закурил и, глядя в костёр, стал рассказывать, сколько разных препон стояло на его пути сюда...
Олег Маков был аспирантом у профессора Ряпушкина, которого за солидность и лысину прозвали в Институте земной коры Светилом. Профессор вёл тему геофизических поисков железорудных месторождений Ангаро-Илимского района. Под руководством именитого шефа аспирант Маков обрабатывал данные аэромагнитных наблюдений с воздуха.
Тема подходила к концу. Профессор считал, что данные магнитометрии не позволяют больше надеяться на открытие даже небольших месторождений на Ангаро-Илиме и расширять геолого-геофизические исследования здесь не стоит. Такое заключение должен был сделать Олег Маков в своей кандидатской диссертации.
Но дотошный аспирант, выросший сам на братском – бывшем каторжном – руднике, не соглашался с учителем по основному вопросу. Ученик считал, что некоторые месторождения в междуречье Илима и Ангары могут быть скрыты мощным чехлом рыхлых отложений, не в пример классической Коршунихе, или даже залегать в форме «слепых» тел на доступной глубине. И тогда приборы самолёта фиксируют незначительную аномалию или совсем пропускают её. «Ну, что ж, молодой человек, – сказал в конце концов профессор Ряпушкин, – защищайте в вашей диссертации свою точку зрения. Только учтите, коллега, я буду сохранять нейтральную позицию...»
«Бунтарь» пошёл за поддержкой к своей знакомой аспирантке, которая была родом из этих мест. Выслушав горькую исповедь Макова, она вспомнила о случае, который произошёл в их Заангарской тайге в годы Гражданской войны. «Случай, конечно, оброс небылью от многочисленных пересказов, – заметила она, – но рациональное зерно в нем вполне может быть. Магнитное зерно!»
Легенда о Заколдованном Нагорье, отряде с ценным грузом и роковом несоответствии карты, компаса и глаза офицера всколыхнула душу аспиранта. Он вспомнил, что многие из месторождений Ангаро-Илима имели формы мощных труб, уходящих в глубину земной коры. Это были магнитные тела, которые как угодно могли шутить со стрелкой компаса. Они притягивали одни из концов стрелки, так что путник мог бесконечно ходить по кругу в непроглядной тайге. «И похоже, что тот отряд побывал в подобном круге, – сказал тогда своей знакомой Маков. – А не моя ли это гипотетическая замаскированная труба?!»
На другой же день геофизик взял десятидневный отпуск и, не объяснив ничего Светилу, с магнитометром за плечами прибыл в Острожск. Дальше надо было спускаться по Ангаре на моторной лодке. И тут судьба свела его с дедом Гордеем.
Маков рассказал Гордею, что едет в Заваль, чтобы проделать некоторые геофизические наблюдения вдоль речки Каверги. Услышав про Кавергу, Гордей стал предлагать свои услуги. Учёный обрадовался, что так быстро встретил нужного человека и не надо много распространяться о цели своего приезда.
– Гордей Авдеич оправдывал надежды, пока не потерялся нож, потом пропала буссоль, – закончил своё повествование Маков. – Тогда я понял, что дело тут нечистое. Но отступать не

в моих правилах. Хоть что-то да надо было разведать мне на этом Нагорье...
– Отступать – и не в моих правилах! – воскликнул Валик, но встретился с холодным взглядом Усти, судорожно втянул в себя дым, закашлялся, заключил: – А вообще, пора бы позавтракать.
– Позавтракать и – на профиль! – добавил Маков.
Устя взяла нож, глухаря и направилась к ручью. Она просто обрадовалась, что представилась возможность передумать всё заново наедине. Рассказ Макова перевернул все в её душе. Никак не бралось в толк, что главная тайна этого места, столько лет хранимая тайгой, не так уж далеко от деревни. «Но только ли тайгой? А деда, что же, не знал, что представляют собой камни на дне ловушек?!» Она пыталась воздвигать разные преграды на пути этой мысли: деревенская жизнь учит затворничеству, охотник-промысловик бережёт свой надел от чужого глаза, а дед – радетель за чистоту тайги, воды и неба...
Но сколько Устя ни преграждала течение мыслей, ручеёк сомнения разъедал все перекрытия. Получалось, самое меньшее, что её дед мог из боязни за свои ловушки пойти на хитрость, обман и прочие подлости. «А если ещё и ценности обоза он припрятал? Боже мой, что будет тогда?!»
Она покачнулась от слабости и чуть не упала в ручей.
Нет, самая горькая правда, но только правда! Мы кружили в заколдованном круге не для того, чтобы попасть в новый порочный круг! – упрямо думала Устя, яростно дёргая перья глухаря.
– Ах, деда, деда! Как же мне защищать теперь тебя. Сосед дед Ипат стал посмешищем в глазах деревни благодаря твоему оговору. И она, внучка, с пеной у рта защищала своего деда. А он скрывал даже от зятя – её отца – тайну Верхней Тайги... даже от родной дочери!
Она выдернула последние перья, вернулась к костру. Присела с подветренной стороны, сунула тушу в огонь и начала выжигать остатки пуха. Вкусно запахло палёной птицей, у Макова и Валика расширились ноздри. Спор между ними сразу прервался, оба продвинулись к Усте, предлагая помощь.
И она стала распоряжаться. Одному сбегать за водой, другому поднести ещё дров, а сама принялась рубить глухаря на кусочки, иначе бы птица не вошла даже в большей котёл геофизика. Наконец, отяжелевший этот котёл повис над огнём, и все застыли в томительном ожидании.
– Не поешь – никакие поиски на ум не идут, – признался Валик, сглатывая слюну.
– Плохо, когда то и делают, что едят, – горько усмехнулась Устя. – Или думают про еду и не замечают больше ничего.
– А я тебе что говорил про домоседную мудрость, – фыркнул Валик.
– Ну, вы-то уж в едоков не превратитесь, гарантирую! – успокоил их Маков. – Вам повезло наткнуться на золотую тропу... До конца своих дней обеспечены запалом, уверяю вас. И даже славно, что вы такие разные: Устя твёрдо стоит на земле, а ты, Валентин, паришь над землёй. Вот и захватили истину в вилку. И дай бог, всю жизнь вам так...
Он пристально глядел куда-то в середину костра, лицо его выражало задумчивость.
– Это просто замечательно, что вы сошлись на таком деле, – продолжал он. – Я завидую вам. Ранняя закалка, она бывает на всю жизнь.
– Были и моменты развязки, – пробормотал Валик, скосившись на спутницу. – Но в общем, теперь мы как нитка с иголкой... Правда, Усть?
Устя кивнула, опустив глаза. «Великодушие проявляет капитан? – пламенем метнулась мысль. – Предлагает мир и забыть старое? И чтоб ему теперь послушной была? Не выйдет! Поборюсь ещё за деда. До самой подноготной правды».
Наконец суп сварился. Валик расторопно расстелил тряпицу, поделил сухари, положил ложки. Глотая слюну, он старался не смотреть на котёл и клялся про себя, что выдержит марку настоящего мужчины и не будет спешить со своей ложкой. Но не успела Устя поставить котёл на землю, Валик уже выхватил глухариную ножку. Обливаясь жирным бульоном, вгрызся в пахучее мясо. Прихватил сухарь, стебелёк дикого лука... Торопился так, будто не ел десять дней! И никак не мог уняться, пока в котле не показалось дно.
– Может, оставить на обед надо было? – произнёс Валик, облизывая ложку.

– Обедать некогда будет, – успокоил Маков. – Для полевика обед – роскошь.
Капитан сыто откинулся на спину. А геофизик взялся за работу, вынул из чехла треногу и установил на ней буссоль, склонился над прибором, сурово сощурился, точно полководец, оглядывая поле предстоящего сражения.
Валик с почтением наблюдал за этим вдруг преобразившимся лицом. Вот это капитан! Вроде компанейским парнем был пять минут назад, а теперь – волк! Попробуй тут не подчинись. Себя не пощадит и никому другому не спустит. Даже мошкара ему нипочём. Липнет к распухшему носу, а ему хоть бы что – настраивает буссоль. Вот замерла стрелка в положении «юг-север»...
Валик поёжился, вспомнив блуждания по тайге. Геофизик, словно угадав его мысли, усмехнулся краешком рта, и лицо стало прежним, иронически-весёлым.
– Учитесь, друзья, теперь расколдовывать заколдованные круги на прочной научной основе!..
Он объяснил, что «уничтожил» горизонтальную составляющую магнитного поля в данной точке и теперь узнает, насколько здесь вертикальные магнитные силы больше, чем в нормальном поле. А в нормальном поле он взял отсчёт рано утром, когда они спали. Из приращений вертикальных сил магнитного поля над каждой точкой профиля, который они сегодня пройдут, он вычертит кривую. По ней можно будет судить о величине и характере железорудной трубы, что затаилась на глубине.
– А теперь за работу, племя молодое, – закончил Маков и властно взмахнул рукой. – Устя будет записывать мои показания, а ты, Валик, руби просеку на Небожиху! Кривовато получится, без спецвизирования, ну да сойдёт для рекогносцировочного профиля.
Валик плохо разбирался в геофизике. Но рубка просеки не требовала семи пядей во лбу. Почтительно выслушав задание начальника, он взял топор и пошёл в наступление на кусты.
Остроглазый голец торчал над деревьями, и держать на него направление было нетрудно. Правда, приходилось часто поднимать глаза на вершину, чтобы профиль был как можно прямее. Чтобы Маков не думал, будто они не умеют ходить прямыми маршрутами. «Не хуже вас умеем намечать цель и пробиваться к ней, пробиваться, пробиваться!» – твердил про себя Валик, нацеливая топором в тонкие стволы лиственок, берёз и осинок.
Сначала легко косились деревца и кустарники, даже весело как-то. Однако вскоре на ладонях взбугрились волдыри, мускулы обвяли. Он всё чаще отдыхал, отмахиваясь веткой от мошкары. Он поглядывал назад, видел, как широко шагает по его просеке Маков и с размаху втыкает треногу в землю. Потом ориентирует столик по буссоли, устанавливает магнитометр и отрывисто говорит Усте отсчёты. А та записывает в журнале цифры.
– Торопись, рубака! – прикрикнул геофизик, вырывая треногу из земли.
– Пятки оттопчем, паря Колокольчик! – добавила Устя.
Валик приналёг на топор, но думал о своём. Маков добрался до своего и теперь по уши залез в измерения. Он не смотрит по сторонам. Критиковал Светило и других за ограниченность, но сам, похоже, уже не видит ничего, кроме цифири,
«А за цифирью ему мерещится диссертация, – мрачно размышлял Валик под удары топора. – И на мои заботы ему начхать! А мне надо мяч добить в ворота, потому что он пока ещё спорный!..»
Он остановился перед изумрудной болотиной, раздумывая над предварительными итогами своего похода. Получалось, что в Завали фамилию Колокольчиковых теперь будут произносить с почтением. Но этого мало. Надо, чтобы город узнал про его дерзкий поход и все парни с их улицы провожали его завистливыми взглядами, а отец понял бы, что его сын не лыком шит... «Пусть железо – это идея и открытие Макова, – всплыла болотным пузырём унылая мысль. – Я тут сбоку-припеку... А сокровища обоза всё бы затмили!»
Валик никакой самокритики уже не допускал и про сокровища не забывал ни на минуту. И сейчас он оглядывал пышные кочки болота, как маскировочные приспособления. «Под одной из таких моховых куч вполне могут быть запрятаны все ящики с золотом, серебром и другими ценностями, – соображал он и про себя кого-то: – Ну, хоть бы гвоздик блеснул какой!»
– Прямо, вперёд! – подстегнул его Маков.

Прямо была марь с чахлыми деревцами. Узкий язык её подходил к южному склону Небожихи. А вниз марь расширялась, переходила в болото, из которого брала начало Каверга. Среди пышных кочек изумрудного, бурого, блеклого мха жирно блестели чаши ржавой воды.
Валик ступил в марь и подумал, что тут и дурак догадался бы про железо под болотом. А вот куда обозное золото делось? Здесь надо крепко задуматься, поломать голову и помесить ногами мох.
Валик вытащил ногу из мшаного месива, прикинул, где посуше, заметил пень. Скачала прошёл мимо, потом оглянулся – странный пень.
– Пень! Это же рубленый пень! – огласил он воплем тайгу.
– В чём дело? – крикнул Маков, торопясь к нему.
– Пень! – сказал Валик, поглаживая рубленый верх пня. – Понимаете, что это значит?!
– И надо было панику подымать? – пробурчал геофизик. – Пень как пень. Мало ли в тайге их.
– Так люди же рубили, – проговорил Валик. Его глаза лихорадочно шарили по мари.
– Да, рубили, – согласился геофизик и ткнул пенёк носком ботинка. – Но это было давно.
– А для чего могли рубить такое толстое дерево? – спросил Валик.
– Ну мало ли для чего. – Маков нетерпеливо пожал плечами. – Стоит ли долго распространяться на эту тему?
– Охотники лабазы для скрадки зверей на болотах ставят, – тихо сказала Устя.
– И мне дедушка об этом говорил! – сказал Валик и зашагал вниз по мари, расплёскивая грязную жижу. – Где-то должна быть постройка!
– Один пень – ерунда! – выкрикнул Маков.
– Ещё пень! – зазвенел голос Валика. – Ещё один! Давайте искать пни... Где больше – там лабаз!
– Не увлекаться! – распорядился Маков. – Одно дело сделаем, возьмёмся за другое. Этот лабаз неделю можно проискать в таком болотище.
Валик понуро возвратился, окидывая марь подозрительным взглядом. Подмывало отшвырнуть топор и ринуться на поиски таёжного строения, но время его капитанства кончилось – это было теперь яснее ясного.
– А может, он рядом, этот самый лабаз? – Валик пристально посмотрел на Устю. – Дед твой ничего не говорил про него?
Устя медленно покачала головой.
– Давайте поищем! – взмолился Валик. – Мало ли что там можно обнаружить...
– Закончим профиль, поищем, – Маков махнул рукой в сторону Небожихи. – Шуруй, Валя! Наши-то пни наверняка для дела. Исторические будут пеньки, уверяю вас.

10

Во второй половине дня они взошли на склон Небожихи. Маков свистнул, сделал руки крестом, и Валик прекратил рубку. Он сел на поваленную сосенку, начал осматриваться.
Тайга сомкнулась вокруг скалистого останца, как называл острый голец геофизик. Солнце снизилось, будто тоже искало лабаз в гуще деревьев и кустов. И Валик невольно смотрел в ту сторону, куда клонилось солнце. Усталым взглядом прочёсывал он изумрудно-ржавый просвет в таёжном массиве – болото. И там, на противоположном краю, как будто зачернело что-то. Лабаз?!
Валик разогнал тучу мошки перед собой и как следует сосредоточил взгляд на крае болота. Чернеющий предмет походил на строение. «Вроде избушки на курьих ножках, – пришло на ум сравнение. – Оно так и должно быть!»
Рядом ударила в землю блестящими наконечниками тренога, и Валик вздрогнул, потом показал на темнеющий предмет. Маков рассеянно пригляделся, но ничего не увидел. Потом он выкрикнул последний отсчёт поднимающейся в гору Усте, снял магнитометр и сложил треногу. Прибор он закинул себе на спину, ружьё повесил на плечо, а Усте дал треногу.
– Пойдёмте, – согласился он наконец. – Может, найдём что покурить, если там лабаз. Муки

бы не мешало на обратную дорогу.
– Будет всё! – вскрикнул Валик, точно был хозяином предполагаемого лабаза.
Они спустились к пеньку, обнаруженному первым, от него разбрелись по болоту веером.
Устины ичиги чавкали в середине цепи. Однако она проваливалась меньше, чем Валик и Маков, – была намного легче геофизика и сноровистей напарника. Устя опередила их, вышла на сухую травянистую гривку, по которой вилась глубокая звериная тропа. На ней отчётливо выделялись рюмчатые следы изюбрей, раздвоенные – сохатых и когтистые – медведя.
Валик, выйдя на тропу, завертел головой, озираясь по сторонам. А Устя, не обращая на следы никакого внимания, двинулась по ней.
– Смотри по сторонам, – предупредил её Валик, вспомнив страшную морду перепугавшего их медведя. – Не нарывайся.
Устя не обратила внимания на его предупреждение, она даже ускорила шаг. Валику пришлось почти бежать за ней. Их разделяло не больше десяти шагов, как из кустов слева ударил огонь, гулко прокатился выстрел.
Валик повалился на тропу, точно убитый. А Устя осталась стоять с выпученными глазами.
– Устя, ни с места! – закричал Маков, перескочив через Валика, который тут же вскочил и бросился следом.
– Это вы... с-с-стреляли, Олег Захарович? – прошептала Устя.
– Я ещё не чокнулся, чтоб в людей стрелять! Это самострел.
Геофизик показал на протянутый через тропу шнур, который она натянула ногой.
– Мистика какая-то, – пробормотала Устя, отступая назад.
Шнур был привязан к сухой лиственнице возле тропы и тянулся через неё в чащу ёлочек. Маков пошёл по этой нити и наткнулся на колкие лапы трёх сросшихся ёлочек. Из хвои глядел на него чёрный зрачок винтовочного дула.
– Вполне реальная мосинская трёхлинейка! – заключил Маков.
Он клацнул затвором – из патронника вылетела дымящаяся гильза. Перёдернул затвор ещё несколько раз – под ноги ему скатилось четыре патрона без пуль, устьица гильз были залиты воском.
– Самострел-пугалка, – сказал Маков, внимательно разглядывая винтовку, густо смазанную каким-то остро пахнущим жиром. – Заряжена была холостыми, в расчёте на слабонервных, но все равно неприятно.
– Трёхлинейка, может, из тех... – выдохнул Валик, – старинная... того отряда...
– Изготовлена до тридцатого года, до конструктивных изменений, – заключил Маков, закинув винтовку на плечо рядом с дробовиком, и первым шагнул на тропу, как и положено старшему.
– Видно, в самом деле, здесь есть что охранять.
Ели расступились, открывая взору поляну и странное сооружение посредине. Нетерпеливый Валик попытался обойти Макова, но тот дёрнул его за рукав.
– Хватит верхоглядства. Всё, оказывается, серьёзнее. Могут и ещё быть сюрпризы. Надо в оба глядеть, мальчики и девочки.
Они настороженно подошли к лабазу. Это был домик на четырёх сваях, серый, обомшелый, но крепкий. Маков взял лиственницу, приставленную к свае, и упёр её верхний конец в днище лабаза, где виднелась дверца люка. Осторожно поднялся, отодвинул щеколду, толкнул дверцу вверх и скрылся в тёмном зеве. Валик быстро вскарабкался по лестнице и тоже нырнул внутрь лабаза.
В таёжном складе было сумрачно, пахло лиственничной смолой и тем жиром, которым была смазана выстрелившая винтовка. Полоски вечернего света пробивались в щели, и Валик разглядел пирамиду винтовок и две шашки, прислонённые к стене. Он дотронулся до крайней винтовки, пальцы скользнули по смазке.
– Точно, винтовки того отряда! – произнёс Валик сдавленным голосом. – Здесь должно быть и остальное.
– Что-то есть ещё, – сообщил Маков, отбросив истлевшие звериные шкуры. – Кажется, палатка.

И тут Валик увидел уголок ящика. Пока геофизик возился с обнаруженным под палаткой туго набитым мешочком, он схватился за ящик. Рванул сгнивший ремень, откинул крышку. Блеск монет ослепил его. В лабазе сразу стало светлее.
Валик запустил в них руки, засмеялся:
– Вот оно, золото! Золото! Смотрите, Олег Захарович, золото!
Маков оставил мешочек, загрёб горсть монет, поднёс к свету.
– Бронзовый металлолом, – сказал он, кинул монеты под ноги и снова взялся за мешочек с бурым крошевом. – Моя находка куда дороже – чистый самосад! Как он-то сохранился?
– Бронза? – испуганно воскликнул Валик, зажав по монете в каждой руке. – Неужели медяки? Кружочки на свету, проникающем сквозь щели, оказались тускло-белыми. Монеты были не бронзовые, но и не золотые. Серебрушки! Где он видел такие? Двуглавый орёл, держащий в когтях скипетр и глобус, а на другой стороне – цифра...
– В историческом музее есть такие, – вспомнилось ему. – Никакой ценности не представляют, да?
– Царская монета, – равнодушно изрёк Маков. – Транспортировка до музея дороже обойдётся. Хотя если вертолётом...
– Неужели они мучали себя и людей из-за простых монет? – сдавленным голосом спросил Валик. – Молодой поручик и пожилой унтер...
– Тогда всякая валюта в ходу была. – Маков нюхнул табак и закатил глаза от удовольствия. – Те люди выполняли свой воинский долг, хоть и ложный. А вот бывает сейчас, в наши дни, люди гибнут за металл.
– Этот же металл кто-то собрал и так старательно укрыл... – От нахлынувших подозрений у Валика потемнело в глазах. Он судорожно ткнул в мешочек щепоть и поднёс к ноздрям понюшку табаку – едкий запах прошиб до корней волос, и сразу зорче стали глаза. – Надо как следует поискать у этого хозяина-куркуля, Олег Захарович! – И тут он увидел в дальнем углу старую попону, прикрывающую что-то. – Как бурундук, все сгрёб в свой склад. Не зря их так и дразнят – бурундуками, местных хозяев.
Валик шагнул под скат крыши, опустился на колени, нащупал край толстого войлочного одеяла, отбросил его. Перед ним опять стояли ящики.
– Может, в них золото? – Валик откинул первую крышку. – Ради золота сюда бы вертолёт вызвать и деда Ипата свозить!
В ящике плотно друг к другу лежали пачки денег. Выдернув одну пачку, увидел на верхней бумажке профиль императора с бородкой.
– Опять царские, – протянул он, бросая пачку Макову. – Разрисованные бумажки!
– Была бы у нас машина времени, – заметил геофизик, – можно было бы с этими денежками прогуляться по старой Москве или Петербургу!
– Неужели нет золотых? – Валик раскрыл следующий ящик. – А я так хотел деда Ипата скатать сюда на вертолёте.
– Начнём съёмку, обязательно захватим сюда твоего деда.
– Жёлтые монеты! – с надеждой воскликнул Валик.
Он зачерпнул горсть и поднёс монеты к щели – в ладони перекатывались медяки. Некоторые были уже с прозеленью.
– Даже медяки пёрли через тайгу служивые. Вот тупость! – разозлился Валик.
– Военному не полагается обсуждать приказ, – объяснил Маков. – Попадёшь в армию, поймёшь: прикажут – дрова понесёшь через тайгу.
В следующем ящике опять были пачки денег, а поверх лежала кожаная полевая сумка с истёртыми уголками. Валик отбросил сумку и перерыл ящик до дна. Одни царские купюры.
Плюнув, он бессильно опустился на какой-то туес. Тут же вскочил, как с шипов, и откупорил этот туес, перевернул на бок – посыпались круглые гранаты и боевые патроны. Гильзы были щедро смазаны салом.
– Этими патрончиками можно целое стадо сохатых да изюбрей перестрелять. Гранаты тоже годятся. Для шустрого хозяина это почище золота, – заключил он уже с ненавистью.

– Смотри! – Маков поднёс к глазам полевую сумку, которую тот поначалу отбросил. – Вот это находка!
На покрышке была обозначена подпись хозяина сумки: «С. И. Сизых».
– Это... Устиного отца? – Валик от растерянности снизил голос до шёпота. – Как она могла тут оказаться?
– Сейчас посмотрим... – тихо сказал Маков. Он расправил покоробленную кожу, вытащил из сумки компас, сложенную в несколько раз карту и толстую тетрадь с поблёкшей химической надписью: «Сизых С. И. Деревня Заваль». Маков снова просунул руку внутрь, извлёк кусок железной руды, точь-в-точь какой нашеё сам в ловушке.
Пальцы Макова вдруг задрожали, а когда он расправил на коленях карту, лицо его побледнело. Валик проследил, на чем сосредоточены расширившиеся до предела зрачки геофизика. На карте поодаль от синей жилы Ангары, возле пика с надписью: «Небожиха» стоял красный крестик. Возле крестика вилась надпись: «Рудное проявление железа, назвать «Устино».
Валик коснулся пальцем точки на карте у деревни Заваль и повёл его к крестику, узнавая ручьи, горы, распадки...
– Моё месторождение открыто, Валька, – прохрипел геофизик, когда грязный ноготь Валика упёрся в красный крестик. – Опоздал я.
– Мы нашли следы Устиного отца. Это самое главное, Олег Захарыч!
– Да, чего же это я?.. – Маков нахмурился, стал листать тетрадь. Он прочитал все записи, а на последних страницах замер, окаменел у темнеющей с каждой минутой щели. – А здесь такое... такое, Валька...
Валик вытянул шею, разглядывая скорый мелкий почерк.
«Люди, товарищи мои, жена Маша, дочь Устя!
Я умираю от раны возле лабаза Гордея Авдеевича. Как я и чуял, тесть мой темнит про Верхнюю Тайгу. Сколько ни просил его принести образцы камней, так ни разу и не выполнил лукавый мою просьбу. Пришлось идти самому на некоторую хитрость: отбыть в тайгу в одном направлении, а свернуть на Кавергу. И здесь, в верховьях, в отвале свежей браконьерской ямины Гордея я обнаружил куски железной руды. Вот, оказывается, чем объясняется блуждание колчаковского отряда в Верхней Тайге!
Направляясь по болоту к Небожихе, вышел я на гордеевский лабаз. Проникнув в него, обнаружил оружие и денежный груз пропавшего белого обоза. Вот кто подлинный Хозяин в Верхней Тайге, Гордей Авдеевич Холодцов! Всё прибрал к своим рукам, даже старые деньги не выбросил, и не без философского обоснования, которое нередко твердил мне: «Все возвращается на круги своя...»
Да долго ли можно одному сохранять такой тяжкий груз?
Случаю угодно было распорядиться на этот предмет в тот момент, когда я оглядывал запасы лабаза. Не успел я пересчитать винтовки, как на болоте раздались человеческие голоса. Я приник к щели и увидел, что трое мужиков приближаются к лабазу. На всякий случай я решил не выдавать себя ничем: мало ли какую цель проследовали эти трое, к тому же сквернословили они так, что насторожили меня с первых же слов.
Вскоре они расселись на валежине подле лабаза и закурили. «Ну и нюх у тебя, Чиря! – заметил высокий, лохматый, как видно, главный. – В таком лабазище вагон золота спрятать можно». – «Три раза из зоны бежал и все по тайге, – отозвался коротышка с наколками в виде перстней на пальцах. – Не хуже волка тропки различаю».
В дальнейшем из их разговора выяснилось, что высокий – это лаборант Института земной коры. Оказывается, прохиндей перехватил мою записку, которую я посылал полгода назад в институт профессору Ряпушкину. В записке излагалось повествование о странном кружении колчаковского отряда в пределах Небожихинского Нагорья. Я делился соображениями по поводу возможной магнитной залежи, но лаборант по имени Сеня Птырь алкал золота, которое якобы вёз отряд.
Птырь подбил своего брата, недавно вышедшего из колонии усиленного режима, на поход в Заангарье за золотыми монетами. Они захватили с собой справного мальчишку Лёшу.

Этот толстощёкий Лёша и не подозревал, для какой цели ведёт его в далёкую тайгу многоопытный Чиря. Как только толстяк отошёл по нужде в ближайшие кусты, Чиря начал убеждать брата в том, что пора прикончить их «поросёнка» и как следует «порубать», потому что сил на лабаз не остаётся от «голодухи», а охотиться и долго, и умения нет, и нарваться на старика Гордея можно.
У Птыря тоже не было сил возражать, и он лишь махнул рукой.
Тогда-то Чиря и достал из-за голенища финку.
Тогда и я понял, что пора вступить в их чудовищную игру. Прихватив гранату для устрашения, я отбросил люк, спрыгнул на землю и поднял ружьё: «Ни с места!»
Братья оцепенели. Да тут из кустов вылез их «поросёнок» Лёшка, увидел, что дружки арестованы, заорал благим матом.
Мне пришлось невольно сделать движение в его сторону, и Чиря не упустил мига – метнул свою финку в меня. Нож пролетел мимо, но я сгоряча бросил гранату, да недалеко – лишь бы напугать негодяев. А она взорвалась, и осколки пришлись по мне же... А те трое успели сорваться с места и улепётывали по болоту – только брызги летели за каждым.
– Ранен я! Стойте! – кричал я им вслед, но голос мой слабел.
Несколько раз выстрелил я вдогон той шантрапе, потом осел возле лестницы. Вынул из раны осколок, перевязался рубашкой, пытаюсь остановить кровь – она сочится беспрерывно. Самому идти бесполезно – далеко не смогу. Остаток жизни отдаю записи. Стараюсь не марать и ничего не чернить... Нельзя терять человеческий облик и при смерти... Глупо все получилось, да верю – люди сюда придут. Пусть мои записи увидят свет – в назидание другим... В тайгу нельзя одному... Плечо товарища необходимо... Невсерьёз за серьёзное дело нельзя... Заколдованные круги надо размыкать... Ради наших детей... Кружится голова... Хлипы в груди, во рту – вкус крови... Уже сводит пальцы...
Прошу не забыть назвать месторождение именем моей Усти!
Маша, займись дочерью... вырасти человеком...»
Вместо подписи расползались по бумаге капли крови.
Оба свидетеля горькой находки долго не могли оторвать взгляда от алых этих пятнышек.
– То-то Птырь так нервничал, когда рассчитывался, – вспомнил наконец Маков. – Ну да разыщем негодяя и его пособников!
– Как это Усте показать? – выдохнул Валик. – Может, переждать да постепенно...
– Круги давать... – хмуро отозвался Маков. – Сколько можно? Пора ставить все на свои места!
– Я в том смысле, что беречь Устю надо, – забормотал Валик. – Сколько на её голову разного свалилось, Олег Захарыч...
– Вот мы сразу и покажем ей, что ни шаг не отступимся, – заявил Маков. – Пусть почует нашу поддержку под самым тяжким грузом!
– А что, – поддержал Валик, – я могу её и совсем к нам увезти... Станет как сестра мне... Отец тут будет «за».
– Потом это будем решать, Валька. Сейчас для неё костёр побольше развести надо и сообщить кое-что дополнительно.
– Она куда лучше моего дружка Витьки Брынзы, – горячо зашептал Валик в распухшее ухо геофизика. – С Витькой я бы повернул назад скоро или напрочь заблудился...
Маков согласно кивнул, будто знал таких витек немало, спустил ноги в люк. Валик оглядел ещё раз склад Гордея и остановил взгляд на тускло блеснувшем эфесе сабли. «Не задавит, – решил он. – А прорубать дорогу в кустах – в самый раз».
Он замешкался, а когда спрыгнул на землю, увидел Устино лицо, склонённое над тетрадкой отца. Будто каждое слово в предсмертной записке было как разрывная пуля. И Устя молча переносила каждое попадание – только веки вздрагивали.
– Ну, чего остановился? – прикрикнул Маков. – Не видишь, темнеет. Дрова на костёр надо собирать.
Валик обрадовался, что нашлась работа. Он помог Макову натаскать гору дров. Вырубил две рогульки и поперечину для тагана. И потом они вместе начали варить суп из консервов,

сохранившихся в рюкзаке Олега Захаровича. А Устя глядела куда-то сквозь огонь огромными зрачками в остекленевших глазах, будто не видела этого света, не ощущала жара земного огня и не понимала смысла живых звуков.
– Устя, – позвал её Маков, – между прочим, хочу тебе открыть свою тайну... Понимаешь, та аспирантка, к которой я обратился в трудный час, твоя мама.
– Вот как?! – Лицо Усти дрогнуло. – Выходит, вы пришли сюда не без её ведома?
– Она знала, куда направился твой отец. И отца своего, то есть твоего деда Гордея, подозревала в этих делах. – Геофизик кивнул на лабаз. – Писала поэтому скупо, чтобы не спугнуть Хозяина раньше времени. Тебя не брала к себе по той же причине. А моя роль проверяющего, как видите.
– И вы из спортивного интереса пошли на такой риск, Олег Захарыч? – шёпотом спросил Валик.
– Нет, ребята. – Маков замялся, прикусил губу, но тут же упёр свой взгляд в лицо Усти. – Как вам это объяснить?.. В общем, мы с ней... Мы хотим пожениться с Марией Гордеевной, Устя.
У костра наступила такая тишина, что треск сучьев стал отдаваться в дальних углах мари. Отлетевшая искра прижгла кожу на руке Валика, но он не пошевелился, пока Устя не заговорила:
– Вам виднее, Олег Захарыч... Особенно теперь... Я что же...
Маков покачал головой.
– Нет, Устя, я хочу предложить тебе переехать к нам, в город. Всё равно ведь скоро в институт поступать...
– Я деда пока не брошу, – резко сказала Устя. – А вы лучше помогите мне вернуть его на свет.
– Поможем. Дед Гордей тоже заблудился в своём заколдованном кругу. Давно заблудился...
– Я бы ему сказал сейчас! – Валик рванул саблю из ножен, взмахнул ею над костром. Отблески пламени заиграли на клинке. – Самая настоящая собака на сене. Вернее, бурундук в норе.
– Не надо распаляться, Валька, – поморщился Маков. – Нам с тобой повезло, можно сказать, на чужой беде... Беде и ограниченности... Для этого надо было тому поручику людей мордовать из-за каких-то монет и бумажек. А деду Гордею кто подсказал припрятывать весь этот мусор? Светлый ум?! А сколько людей по легенде прошли, как по навозу? – Маков потёр обеими руками лицо будто хотел содрать всю мешающую щетину. – Так вот и вертится заколдованный круг нелепостей жизни... Мало кому удаётся преодолеть его, особенно без достойного азимута да в одиночку. И тут надо держаться кучей! Товариществом да советом.
– И мы теперь будем товариществом, Олег Захарович? – спросил Валик. – Где бы мы ни были, да?
– Нам ещё придётся доразведывать Устино месторождение, – улыбнулся Маков, – если, конечно, вы не отвернётесь от геологии-геофизики.
– Ни за что! – воскликнул Валик. – Закончу десятый и – в политехнический институт! А не поступлю – приеду рабочим сюда на разведку... Ерундить больше не будем, да, Усть? Делом начнём заниматься.
– Где же папа схоронен? – спросила внезапно Устя, ни к кому не обращаясь. – Похоронил его дедушка или как?
– Завтра мы узнаем, – заверил Маков. – Твой дед дожидается меня в зимовье, я в этом уверен.
– Дожидается ли теперь? – проговорила Устя с тяжёлым вздохом. – С таким грузом на сердце кто выдержит?
И вдруг она замолкла, притаилась и выставила ухо в сторону Каверги. Хвостик её накомарника недвижно рисовался на клочке алого неба. Было безветренно, тайга беззвучна. Но Устя что-то напряжённо слушала. И вдруг откуда-то из долины Каверги донёсся слабый звук выстрела, похожий на треск еловой ветки в костре.
Устя вскинула голову, точно косуля. Рот её приоткрылся. Брови взлетели, подобно пёрышкам, поднятым ветром, и она определила:
– Стреляет кто-то... Подряд... Никак беда... Не с дедом ли? Кто ещё может быть на Каверге,

кроме него?
Валик приложил ладони к ушам. Но выстрелов больше не было. Маков отошёл в сторону, чтобы лучше слышать.
– Как будто был выстрел, – сказал он, возвращаясь. – Но больше не слышно.
– Похоже на выстрел, – согласился Валик. – Может, нас ищут?
– Что-нибудь ещё стрясётся, чует сердце, – заметил Маков, – попали в аномалию... Не так просто распутывается клубок.
Он поднял ружьё вверх и ударил в темнеющее небо снопом огня. Гром и треск понеслись от дерева к дереву.
Но ответного выстрела не было. Только эхо дробилось в долине Каверги.

11

Только утром пришёл ответ. Тайга донесла далёкий гремучий звук. Он пришёл из долины Каверги.
Маков отошёл от костра, который развёл пораньше, и выстрелил из дробовика. Через томительных пять-шесть минут донёсся ответный хлопок.
– Подъём! – скомандовал он...
Маков шагал, не замечая кочек. Он высоко держал щетинистый подбородок и следил за тайгой зоркими глазами. Валику приходилось почти бежать, чтобы вырваться вперёд. Но Маков доставал его быстро длинными своими ногами. Устя же и не пыталась обогнать геофизика. Она шла ровно, как и он. И приостанавливалась, как Маков, когда доносился очередной выстрел. Лишь в эти остановки Валик и успевал помахать саблей, чтобы расчистить Усте хотя бы два-три шага пути.
Стреляли с интервалом в двадцать-тридцать минут. Без сомнения, стрелок сидел на одном месте и бухал, стараясь призвать к себе. Похоже, с ним стряслась беда.
Путники скатились в падь, и выстрелы приблизились. Маков не мог часто отвечать – оставалось всего пять патронов. Он догадался перейти на крик. Поднёс полусогнутые ладони ко рту и затрубил, как изюбр.
– Ого-го-го!
– Ага-га-га! – звонко поддержал Валик.
Эхо раскрутилось в долине. Из ближайшего распадка донеслись три выстрела подряд.
– Похоже, и в самом деле беда, – сказал Маков и ринулся на чуть видную звериную тропинку.
На мокрой земле виднелись следы медведя, сохатого и человека. Что-то знакомое было в резко вдавленных с боков каблуках резиновых сапог. У человека сильно кривили ноги. Под конец Валик уже не сомневался, что это сам дед Гордей. И только он успел произнести мысленно это имя, как совсем рядом раздался выстрел. Из густого ёрника выплеснулось пламя.
Маков ускорил шаг, развернул кусты и вдруг остановился перед шевелящимся черно-красным бугром.
– Кыш! – замахал он руками, и странная куча распалась. Над кустами поднялась стая ворон. Черные птицы расселись по веткам деревьев, закаркали.
Запах пропастины ударил в ноздри: перед людьми лежала рогатая туша изюбра, расклёванного воронами. Казалось, стая черных птиц настигла таёжного силача, повалила на куст и заклевала насмерть. А потом распотрошила так, что ребра светились на солнце.
– Солонец! – объяснил Маков и кивнул на дальний край поляны. – Где-то недалеко и стрелок...
Среди травы чернела проплешина, истоптанная копытами зверей.
– Стрелять здесь положено одному охотнику, – произнёс Валик и оглянулся на Устю, – чей надел...
Устино лицо становилось под цвет берёзовой коры, точно жизнь покидала её. Валик сообразил, что сейчас она упадёт в обморок, хотел поддержать её. Но Устя отшатнулась, показала на тёмный комок возле куста ольхи.
– Шапка дедушки... Неужели и с ним стряслась беда?

– Где же он сам? – прошептал Валик и тут услышал стон, донёсшийся из-за кустов.
– Деда-а-а!
Устя кинулась на стон, за ней устремился Маков, потом уж встрепенулся Валик.
– Дедушка!..
От Устиного крика захлопали, застучали в ветках крылья ворон.
– Дедуля дорогой мой!
Под кустом ольхи, скрючившись, лежал Гордей. Глаза его еле проглядывали из-под оплывших век, ручеёк крови запёкся в бороде. Палец прирос к спусковому крючку винтовки, но, видно, сил уже не было нажать. Вокруг деда валялись стреляные гильзы, точно он отбивался до последнего патрона от многочисленной банды.
– Дедушка, жив? – Устя опустилась перед Гордеем на колени. – Что стряслось?
Из-под века охотника выскользнула мутная капелька, жгутик крови на бороде дрогнул, и старик прошептал:
– Зюбря добыть хотел... чтоб выгода как была от похода. Не угодил по убойному месту... а он возьми да на меня... Копытом по грудям-то и шибанул... Стар больно стал...
Только тут Валик понял, почему скоробилась телогрейка на груди старика и мошкара над этим местом клубится роем. Валик сломал ветку и стал помахивать ею, отгоняя кровопийц от груди Гордея.
– Пить, пить хочется...
– Ох, дед – семь бед! – Маков тряхнул рюкзаком, достал кружку и направился прямо по кустам к ручью.
– Парнишка, – залепетал Гордей, – прости, Христа ради, меня... Ипатову собачку я прикончил... Думал, повернёшь сразу назад... Заявишь куда следует про ножичек, сдержут учёного-то, чтоб тайгу не запакостил...
– Теперь дело прошлое, – пробормотал Валик.
– Видно, конец мой пришёл, – жалобно отозвался Гордей. – Хоть на людях помру, и то спасибо.
– Сейчас дадим водички, дедушка, – сказала Устя. – Не бросим тебя, не бойся.
– Сразу стало легче, – проговорил Гордей. – Среди ворон помирать больно страшно, Устюша, а они уже и выстрела перестали бояться.
– Эх, деда, деда, – вздохнула Устя. – Беда не выходит из нашего дома.
– Выйдет! – Валик пристукнул шашкой. – Поможем выйти!
Гордей вдруг увидел саблю перед собой, близко посаженные глаза его расширились и стали походить на дульный срез двустволки.
– Хотел, чтоб шуму не было в нашей тайге, – залепетал старик, – вот и прятал... Откуда только принесло тех трёх супостатов?
– Где папу похоронил, дедушка? – всхлипнула Устя. – Где его могила?
– На Небожихе схоронил его, – выдохнул Гордей, – на самой верхушке, каменьем укрыл... Хорошо лежит отец твой, Устя. А меня тут закопаете...
Его рот перекосило, глаза подвело, ноздри раздулись, словно в последней затяжке живительного воздуха. В этот миг захрустели камешки под ногами Макова, и геофизик приставил ко рту Гордея кружку с водой. Старик ощутил потресканными губами влагу, приподнялся и стал жадно пить. Сделав несколько глотков, откинулся и как будто заснул. Маков расстегнул на нем телогрейку и отодрал рубаху от ран. Гордей застонал, но Олег Маков не дрогнул. Он снял клочком мха запёкшуюся кровь, ощупал ребра вокруг развороченной мышцы, сказал:
– Кажется, внутренних повреждений нет... Скользом копыто прошло... Заражения тоже нечего опасаться – здесь все стерильно... В общем, до больницы донесём, а там поставят на ноги...
– В тюрьму не посадят, Захарыч? – простонал Гордей.
– Надо бы, – отрезал Маков, – да у нас не положено человека сажать за одичалость.
– Оклематься бы, – всхлипнул Гордей. – Ради Усти бы...
– Твоего здоровья, дед, хватит ещё не на одного запретного зверя, – усмехнулся Маков,

доставая из бокового кармашка своего рюкзака бинт и пузырёк с йодом.
– Нет, отохотился, видно, я, – одышисто запричитал Гордей. – О душе подумать самое время... Сколь ни загораживай своего надела, жизнь прорвётся. Не там, так тут!.. Не заметишь, как сам пугалом становишься. Для своих же родных... Хочу, чтоб все прониклись моим покаянием... Считал, держу позицию, да просчитался... Возвратился на круг свой...
– А жизнь, она идёт не по кругам, а по спирали, дед! – возразил Маков, забыв про медикаменты в своих руках. – Так нас с твоей дочерью большая наука учит! И чем тяжелее груз на душе, тем медленней поднимаешься. Некоторые срываются на прежний уровень, а есть и ниже, вплоть до нуля...
– Отдам, всё отдам! – всплеснулся голос Гордея. – Чтоб легче вознестись на небеса!
– Что отдавать-то будешь, – нахмурился Маков. – Сами всё нашли: железо, лабаз, сумку Сергея...
– Золото! – прохрипел Гордей.
– Золото? – Валик опустился на колени возле раненого, стараясь не упустить ни слова из его признаний. – Выходит, золото всё же было?
Голос парня прозвучал с былой лихостью, но сам Валик не ощутил в груди горячего прилива, как раньше от одной мысли о золотой находке. «Перегорел», – заключил он.
– Два ящика золотых червонцев... закопаны под будкой Тигра. Выройте, если не дотяну, употребите с добром, чтоб разведкой железных камней тайгу не сгубить...
Устин всхлип заставил деда Гордея приподнять голову, покоситься и вымучить улыбку.
– Внученька, соблюди мой наказ, если что...
– Сам ещё всем своим кладом распорядишься, Гордей Авдеич, – вступился Маков и отвинтил крышечку на пузырьке. – Сейчас мы тебя подреанимируем, то есть расшевелим.
Гордей пытался откреститься, но тут геофизик плеснул из пузырька ему на грудь, и старик издал протяжный нутряной вопль.
– Терпи, старина, раз хочешь жить! – прикрикнул Маков и стал растирать йод возле раны. – Смиряйся с современными медикаментами, иначе отправишься на тот свет.
– Лечи, Захарыч, хочу жить. Ради Усти...
Захрустела обёртка индивидуального пакета в крепких пальцах геофизика. Маков наложил на обработанную рану тампон из нескольких слоёв бинта и под охи старика перебинтовал его грудь.
– Отгоняй мошкару, Устя, – скомандовал Маков, – а мы с Валентином смастерим носилки.
Валик с радостью кинулся вырубать жерди для носилок: вид раны и обработка её вызвали у него приступ тошноты. И теперь он ожесточённо махал саблей, срубая и отёсывая две молодые сухостойные листвянки.
А Маков уже достал одеяло из котомки Гордея и расстелил его рядом со стариком. Устя положила своё для крепости. Валик подвёл жердинки с боков, и все трое принялись сшивать края одеял тонким кабелем, который достал из своего рюкзака геофизик.
Скоро носилки были готовы. Валик срубил саблей мелкие сучки на концах жердин, чтоб не кололи ладошек. Маков приделал на передних концах жердей ремень, чтобы Валик мог запрягаться в него. А для раненого был положен в изголовье спальный мешок.
Геофизик уложил старика на носилки, Валик с Устей помогли затащить тяжёлые ноги Гордея. Прибор и котомки расположили в ногах раненого. Устя взяла на плечи ружьё и винтовку, пристегнула саблю и стала походить на повстанку.
– Ну, раз-два, взяли!
Маков с Валиком подняли носилки.
С первых же шагов Валик ощутил, что значит нести человека по тайге. Это было похлеще блужданий на Заколдованном Нагорье. Ноги уходят в трясину, ветки бьют с оттягом по лицу, а гнус летит со всей тайги на острый запах пота. Короткий отдых почти не возвращал сил. И через километр после отдыха плечи разламываются от потягов ремня. А тяжесть удесятеряется, когда вспомнишь, кого несёшь!.. Где справедливость?! Лучше бы деда Ипата вот так пронести по тайге!

А Гордей ещё ныл, просил пить, слёзно упрашивал не передавать в сельсовет о его браконьерских проделках. У Валика от всех этих жалоб, надсады и голода мутилось в голове. Тайга начинала зыбиться и сливаться перед глазами. И только Устин тревожный взгляд заставлял напрячь организм и шагать дальше из последних, последних, последних сил.

– Не падать, до зимовья рукой подать!

И в самом деле, к концу дня тайга вдруг расступилась, и путники оказались на большой поляне, разрезанной ручьём.

В синем улове отражалась луговая трава с оранжевыми головками жарков, а над травой возвышалась изба из темной сосны. Маленькие окошечки напоминали бойницы, в них пламенели алые отблески солнца. Казалось, в зимовье кто-то сидит при огне и дожидается путников.

И все остановились враз, точно ждали выстрела.

– Ключ под камнем, – зашевелился на носилках Гордей, – рядом с крыльцом. Припасы в избе, печь – хлеб выпекаю.

– Всё хорошо, дед, видим твои хоромы, – ответил Маков, опуская носилки на землю, – да сил нет добраться... Доконал ты нас, чёртов бурундук!

– Давай, паря Колокольчик, донесу я, – предложила Устя.

– Нет уж! – возразил Валик из последних сил. – Попью, передохну и сам донесу.

– Вот это по-нашему, по-поисковому! – похвалил его Маков.

– По-мужски, – добавил Валик и направился к улову.

Он сделал два шага к воде, запутался в траве и упал на берег. До воды оставалось с метр. Валик видел, как плещется хариус, охотясь за мухами. Он ощущал запах таёжной воды, настоянной на мхах, смолье и корнях, но подползти и напиться не было сил...